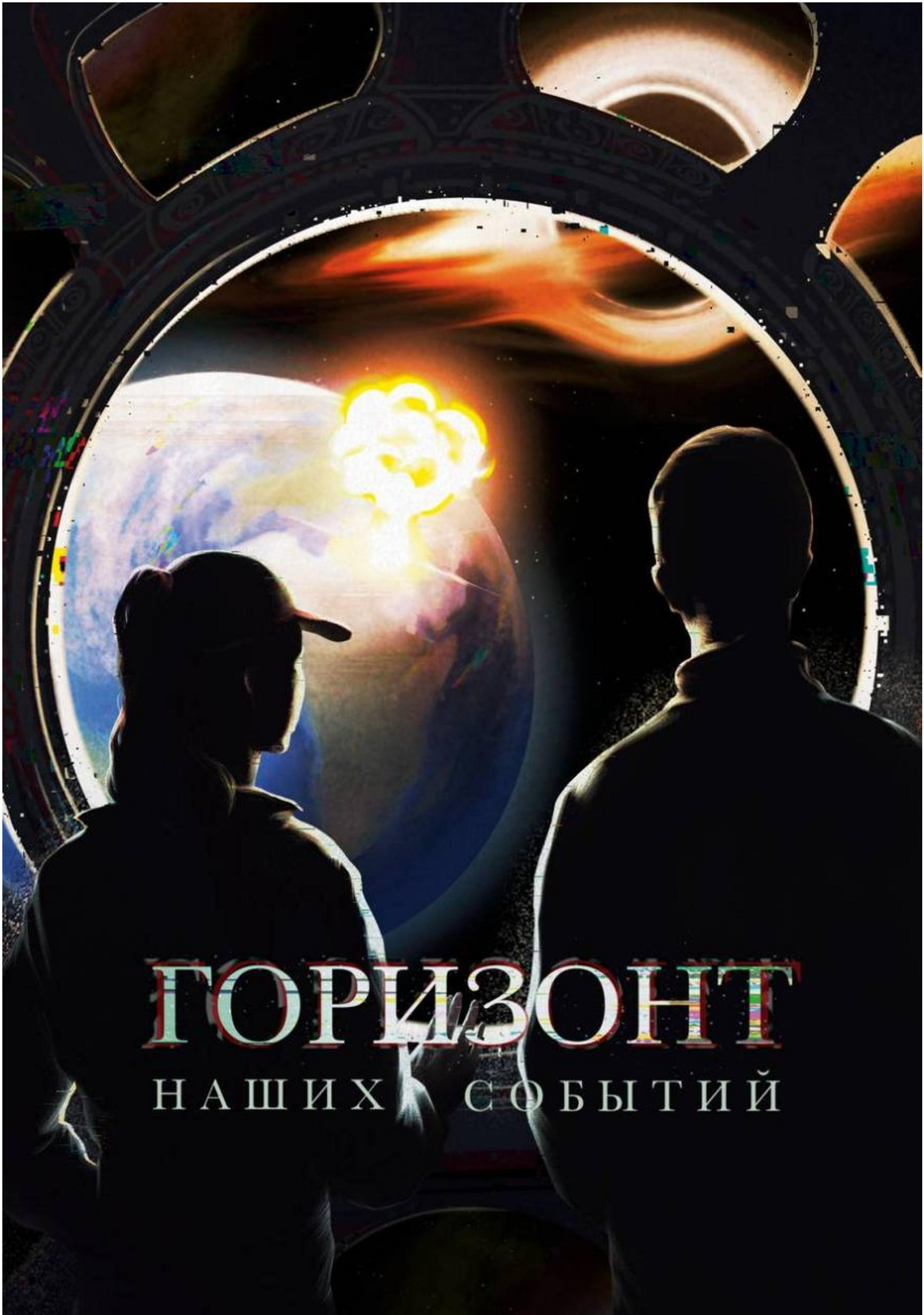
ГОРИЗОНТ
НАШИХ СОБЫТИЙ

Вадим Дворничен

Горизонт наших событий

«Автор»
2026

Дворничен В. О.

Горизонт наших событий / В. О. Дворничен — «Автор», 2026

2150 год. Человечество нашло способ красть ресурсы у себя из прошлого, без потерь для самих же себя. Но как оно и бывает, жадность и невежество взяло вверх.Человечество живёт своё лучшее время, все страны объединились в одну конфедерацию, научились производить искусственную пищу и вроде бы это то самое светлое будущее. Но цена такой жизни будет безумно дорогой. Ведь ради настоящего, в жертву идёт, и прошлое, и будущее.Пилот Максимилиан Де Грут не знает об этом. Как и все. Это скрывают все государства в конфедерации. Он пытается выжить в мире, где как-будто ему нет места. Где он не знает чего он хочет и по большей части просто существует. Ради любви к девушке из опасной семьи он идет на сделку с совестью, которая заканчивается очень и очень трагично для него, её и всей её семьи.Но настоящий ад ждет его когда он станет пилотом для испытаний по путешествий во времени. Он должен помочь исправить ошибки не только всех людей, но и отдельных людей, не изменяя события прошлого.

© Дворничен В. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Конец" 5
Часть 1 «Конец и начало наших историй» 5
Глава 2 "Танец" 8
Глава 3 "Отец" 17
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Вадим Дворничен
Горизонт наших событий

Глава 1 "Конец"

Часть 1 «Конец и начало наших историй»

— Знаешь, Макс… — тихо начала Алиса, не отрывая взгляда от панорамного иллюминатора. — Когда мы улетали, я думала, что мы поступаем правильно. Что мы просто спасаем свои шкуры.

Она помолчала, сжав кулаки так, что побелели костяшки. За стеклом, в абсолютной черноте, висела Земля. Где-то в глубине корабля равномерно гудел реактор — единственный звук, напоминавший о жизни в этой холодной металлической коробке.

— А сейчас я смотрю на это и понимаю, что мы просто сбежали. Оставили их там. Разбираться с тем, что они сами же и натворили. Они думали, что играют в казино. Думали, что могут обхитрить систему, сорвать джекпот и остаться в плюсе. Но есть вещи, которые не обманешь. Время, например. Оно всё равно заберёт своё. Всегда.

Голос её стал глухим, почти шёпотом.

— И самое страшное сейчас — это даже не то, что они сделали. Самое страшное — это то, что будет дальше. Когда у людей заканчивается надежда, они ищут виноватых. Кто-то один, самый отчаявшийся или просто кретин, может решить, что проблему можно решить кровью. Просто взорвать всех, кто не согласен. И знаешь, что самое ужасное? Если он это сделает, за ним пойдут другие. Те, кто умнее. И тогда… тогда это будет настоящий конец.

Она замолчала и наконец посмотрела на Макса. В её глазах не было паники. Только тихая, ледяная обречённость.

— Я очень надеюсь, что мы ошибаемся. Что никто не будет настолько глуп. Но… я уже ни в чём не уверена.

Светлые волосы Алисы выбивались из-под черной кепки, которую она, казалось, не снимала даже во сне. Бледная кожа, острые скулы, плотно сжатые губы и внимательные светлые глаза. Под левым глазом темнела небольшая родинка. В ней странным образом сочетались юная хрупкость и какая-то взрослая, недетская собранность. Казалось, она слишком рано научилась прятать страх за маской холодной отстраненности. На ней была простая, практичная одежда: куртка, закрывающая тело, крепкие ботинки. Никаких броских деталей.

На другом конце комнаты стоял Макс. Он облокотился на стену и сгорбился, уставившись в пол. Каждый вдох отдавал тупой болью в боку. Ножевой крест, вырезанный прямо над сердцем, горел так, словно его прижигали раскаленным железом. Из-за того, что он напрягал мышцы лица, свежие раны открывались вновь. Капли крови скатывались по щекам, смешиваясь со слезами, и падали на металлический пол. Ярко-алые, почти неестественные на фоне серости. Как краска. Он хотел стереть их, но руки не слушались.

В голове снова и снова всплывал хриплый голос, полный безумия: «Где она, Макс? Где моя девочка?». Вспышка фантомной боли пронзила висок. Макс мотнул головой, отгоняя воспоминание. Пытка закончилась, но её эхо осталось в костях.

Не сказать, что его лицо навечно было изуродовано, но ближайшее время красавчиком его точно не назовёшь. Он был чуть выше Алисы, но высоким ростом никогда не славился. Зато имел брутальное и мужественное лицо. Конечно, не сейчас. Сейчас его лицо было просто ужасно. Макс был в белой футболке, в штанах от рабочего комбинезона и в тяжелых ботинках.

Ещё пару дней назад эта футболка была чистой, но теперь она превратилась в грязное напоминание о недавних пытках: пятна пота, пыль, засохшая грязь. Но на груди, там, где под тканью скрывался бинт, крови не было.

Макс вытер лицо рукавом и подошёл к Алисе:

— Как долго мы уже здесь?

— Вроде уже сутки прошли. А ты в свою очередь около часа стоял и просто смотрел в пол.

— Из-за того что давно не спал, начинаю отключаться на ровном месте. Но и заснуть точно не получится. И боль адская во всём теле.

— Так, мы уже столько тут стоим и думаем, как решить настолько глобальный конфликт — тире — катастрофу, и всё не можем ничего придумать. Давай мы немного отвлечёмся, и я тебе как раз залатаю раны, — предложила девушка.

— Ты умеешь лечить такие раны? — спросил парень.

— Блин, ну я же вроде как учёный-стажёр и дочь великих учёных, что-то и о медицине знаю. Например, как регенерируют клетки.

— Ладно. Где тебе будет удобно это делать?

— Пошли в медпункт, там должен быть андроид, отвечающий за лечение на этом космическом корабле.

— Пошли, — тихо и угрюмо сказал Макс.

Двое единственных людей на корабле отошли от большого панорамного иллюминатора. Из него была видна наша планета. Иллюминатор имел интерфейс программы спутникового слежения, и при желании герои могли следить за тем, что происходит в конкретных зонах планеты.

Они прошли по узкому коридору, освещённому всё теми же мерцающими лампами. Корабль казался вымершим. Ни гула шагов, ни голосов — только они, тишина и металл.

Макс и Алиса зашли в медпункт. Макс стянул белую футболку. Под ней обнаружился пропитанный кровью бинт, прикрывавший ножевую рану в форме креста прямо над сердцем. Всё его тело было изуродовано недавними пытками: синяки, ссадины, свежие швы. Ткань футболки на груди пока оставалась чистой.

Макс лёг на процедурную кровать, а Алиса села за компьютер, чтобы настроить андроида, который будет проводить операцию.

— Знаешь, я бы провела операцию сама, но я просто никак не смогу сделать это сейчас. Я не в том состоянии, — начала говорить девушка.

Алиса уставилась в монитор, её пальцы дрожали, когда она вводила команды. Было видно, что она еле держится. Макс молчал. Он привык переживать всё внутри себя, стиснув зубы, а Алиса выплёскивала это наружу. Но сейчас обоим хотелось просто исчезнуть.

— Всё, готово. Сейчас он запустится и начнёт операцию.

Закончив настраивать робота, Алиса оттолкнулась от компьютера ногами. Кресло было на колёсиках. Она встала и вышла из комнаты, чтобы снова посмотреть на иллюминатор. В то же время из зарядной станции вышел медицинский робот. Он был невысокий, с маленькими смешными глазками-сенсорами. Рядом с местом, где лежал Макс, было устройство, куда вставал робот. Устройство его закрепляло, и он мог спокойно левитировать по всей комнате. Само устройство было прикреплено к потолку.

Андроид только приготовился лечебным лазером обрабатывать раны, как неожиданно раздался оглушительный хлопок. Свет мигнул и погас. На долю секунды гравитация исчезла, и Макс схватился за койку, чтобы не улететь. Когда вспыхнули тусклые красные аварийные лампы, заливая комнату зловещим багровым светом, он вскочил. Схватив белую футболку, он натянул её на ходу.

— Да быть такого не может! — истерично крикнула Алиса и побежала к иллюминаторам.

Макс бросился за ней. От резкого движения рана на груди вспыхнула болью. Он почувствовал, как бинт мгновенно пропитался кровью, и на белой ткани расползается алое пятно. Но он не остановился. Сейчас это было неважно. Робот-медик застыл с поднятым лечебным лазером, его глазки погасли, превратившись в тусклые стекляшки. Еще секунду назад он должен был зашивать раны Макса, а теперь просто висел в воздухе, бесполезный кусок металла.

Макс и Алиса встали оба у окна и просто с ужасом смотрели на то, что происходило на Земле. Это был ад. Может, конец света, а может, и апокалипсис, или даже всё вместе.

В космосе нет звука. Поэтому первое, что они увидели, была не пощечина, а вспышка. Она родилась на ночной стороне Земли — ослепительный, болезненно-белый стежок, прорезавший облачный покров. Это не был огонь в привычном понимании. Это было крошечное солнце, вспыхнувшее там, где его не должно было быть. Сначала — лишь точка ярче любого земного города, но за долю секунды она расцвела, выжигая в сетчатке голубовато-фиолетовый след. Ударная волна пошла от эпицентра, как от брошенного в воду камня, но вода была из облаков, а рябь — из воздуха. Идеально ровное кольцо, расширяясь, сминало и рвало атмосферу, оставляя за собой безмолвный, вывернутый наизнанку горизонт. Сверху это не выглядело как «гриб». Это напоминало гигантский, уродливый цветок, раскрывшийся в одночасье — пузырь раскаленного газа и пыли, который пробил облачный слой и пополз вверх, к самой границе космоса. Внутри этого купола свет был настолько ярок, что казался плотным, почти осязаемым. Это был ядерный взрыв на территории южной Европы.

Рентгеновское излучение и облако плазмы от взрыва встретились с магнитным полем Земли и родили невидимую волну. ЭМИ. По корпусу корабля словно провели гигантским статическим зарядом. Мониторы, показывавшие гибнущую Европу, вспыхнули белым шумом, а затем по ним поползли рваные полосы — те самые глитчи, которые преследовали их всё это время.

Макс смотрел на это, и в груди что-то оборвалось. Он знал, что должен что-то сделать. Пилот, который привык всегда находить выход из любой передряги, — он должен был действовать. Его руки сами потянулись к пульту.

— Связь с Землёй, — бросил он, хотя голос звучал глухо. — Нужно узнать, что там.

Он нажал на сенсор, но экран лишь мигнул и остался тёмным. Он попробовал ещё раз, затем ещё, уже с силой ударяя по клавишам. Ничего.

Алиса не отвечала. Она просто смотрела на экран, где сквозь помехи проступала черная, выжженная рана на месте знакомых берегов Европы.

— Нет, — тихо сказала она, и в её голосе не было паники. Только пустота. — Просто мы больше не хотим это видеть.

Макс замер, его пальцы застыли над пультом. Он хотел сказать, что они ещё могут что-то сделать, что нужно попробовать восстановить системы, долететь, помочь. Но слова застряли в горле. Он посмотрел на Землю, на этот медленно расползающийся синяк, и понял, что любое его действие сейчас — это просто шум в вакууме.

Он медленно убрал руки от пульта и откинулся в кресле. Впервые за долгое время он чувствовал себя не пилотом, который привык всегда находить выход. Он чувствовал себя просто свидетелем. Макс опустил взгляд. На его белой футболке, прямо над сердцем, расплывалось красное пятно. Кровь. Она казалась почти такой же яркой, как вспышка на далёкой планете.

Единственное, что с ужасом сказала Алиса, было:

— Сглазила…

Глава 2 "Танец"

Мон-Сен-Мишель расположен на северо-западе Франции, в Нормандии, в огромной песчаной бухте, где река Кюснон впадает в пролив Ла-Манш. Это гранитный островок, возвышающийся над плоской равниной, которую дважды в сутки затопляет прилив. Вода здесь отступает на километры, обнажая зыбучие пески, а затем возвращается с невероятной скоростью. Из-за этого остров веками был доступен только во время отлива, а во время прилива превращался в неприступную крепость. Именно эта природная изоляция и сделала его идеальным местом для бала в масках: никто не мог покинуть остров, пока вода не отступит.

Прилив начался в девять вечера. Вода сомкнулась вокруг острова, отрезав его от материка, и Мон-Сен-Мишель превратился в крепость, плывущую в чёрной пустоте. Древние стены, которым было почти тысячу лет, поднимались из воды, как спина спящего чудовища. Казалось, время здесь остановилось — несмотря на то, что на дворе стоял май 2150 года, остров оставался таким же, каким его видели паломники и рыцари столетия назад.

Над аббатством вспыхнули первые фейерверки. Они рвали ночное небо на части — ослепительно-белые, золотые, багровые. Их отблески падали в воду, и казалось, что море горит. Грохот разрывов эхом отскакивал от каменных стен, смешиваясь с музыкой, доносившейся из главного зала. Это была не просто музыка — это была симфония, написанная специально для этого вечера. Тяжёлые басы виолончелей, пронзительные скрипки, и где-то на грани слышимости — электронные пульсации, напоминающие о том, что мир давно изменился.

Узкие улочки, поднимавшиеся к аббатству, были залиты светом тысяч гирлянд и факелов. Их пламя дрожало на ветру, отбрасывая на древние камни пляшущие тени. Воздух был пропитан запахом морской соли, воска и дорогих духов. Гости в масках — мужчины в строгих смокингах, женщины в длинных платьях, расшитых серебром и золотом, — медленно поднимались по каменным ступеням. Кто-то шёл парами, кто-то сбивался в шумные группы, кто-то стоял в стороне, потягивая шампанское из высоких бокалов. Их голоса сливались в единый гул, в котором тонули отдельные слова. Смех, звон бокалов, обрывки фраз на французском, английском, итальянском. После объединения мира в Конфедерацию языки никуда не исчезли, но английский преобладал сильнее, чем когда-либо. Впрочем, здесь, на этом празднике, люди специально переходили на французский — так было модно. Так было правильно.

Маски скрывали лица, но не могли скрыть напряжение. В каждом движении, в каждом взгляде чувствовалась игра. Здесь были те, кто пришёл блистать — женщины в платьях от кутюр, мужчины с часами, стоимость которых превышала бюджет небольшого города. Были те, кто пришёл плести интриги — они стояли у колонн, тихо переговариваясь и оглядываясь по сторонам. И были те, кто просто хотел забыться в этом ослепительном безумии — раствориться в музыке, вине и танцах до утра.

Макс прилетел на этот фестиваль на общественном летательном аппарате «Avis». Он стоял у окна, слушая болтовню двух девушек позади — рыжей в дурацком парике, который, казалось, прилип к её голове, и брюнетки в умных очках, которая переписывалась с кем-то в виртуальном чате, не отрывая взгляда от пустоты перед собой.

— Слышала, что наше дефиле сместили почти в самый конец? Просто ужас какой-то, — жаловалась рыжая, поправляя парик. — Это последний раз, когда я прихожу. Этот праздник с каждым разом меня всё больше огорчает!

— Да ты как будто только плохое и умудряешься видеть во всём, — возразила брюнетка, не отрываясь от чата. — Мы же уже пятый год на него ходим, и ты почти каждый раз на что-то жалуешься. Хотя мы стабильно забираем награду за лучший исторический образ. Хотя мы не ездим сюда вампирами или дворянами.

Макс не вслушивался. Он смотрел на приближающийся остров и чувствовал знакомое, привычное чувство. Он выглядел дорого и элегантно: синий жилет, белая рубашка с закатанными рукавами, брюки, маска и часы на запястье. Удлинённые волосы были уложены назад. Он знал, как выглядеть в таких местах. Знал, как двигаться, как держать бокал, как улыбаться так, чтобы это ничего не значило.

Когда аппарат мягко приземлился и двери открылись, Макс шагнул в шумное море огней, музыки и масок. Это был не просто фестиваль. Это была ежегодная традиция, которая началась больше века назад, когда молодёжь решила, что новый век нужно отметить дважды и с какой-то особенностью. С тех пор каждый год 31 мая богачи со всего мира слетались на Мон-Сен-Мишель, чтобы на одну ночь притвориться аристократами из старых французских романов.

Дресс-код был строгим, но не обязательным. Кто-то надевал смокинг, кто-то — классический костюм вампира, кто-то — плащ с высоким воротом. Но маска была обязательна для всех. У кого-то она закрывала лишь часть лица, у некоторых — всё лицо целиком. В этом была своя прелесть: ты мог быть кем угодно. И никто не узнал бы тебя, даже если бы ты стоял с ним плечом к плечу.

Макс радостно начал смотреть, что такого преподнесёт праздник на этот раз, но радость быстро куда-то улетучилась. Вместо неё появилась какая-то грусть. Он смотрел на роскошных людей, которые пришли на мероприятие в роскошных костюмах — с друзьями, со вторыми половинками, целыми компаниями. Они смеялись, держались за руки, о чём-то шептались. И ничего из этого не было у него.

Макс всегда, приходя на такие мероприятия, гулял сам по себе. Иногда находил себе компанию на время праздника — случайных знакомых, таких же одиночек, как он. Но на этом всё заканчивалось. Утром они расходились в разные стороны, и он снова оставался один. Он хорошо умел вести диалог, но начать его первым — уже нет.

С этой грустной мыслью он поднялся по лестнице к главному залу аббатства. Подходя к входу, Макс увидел зону, где находились курильщики. В толпе он заметил знакомый силуэт — подругу, которая стояла в одиночестве и раскуривала свой курительный аппарат. Макс стал подходить к ней. Заметив его, она ему улыбнулась и глазами позвала к себе. Она была в полтора раза выше Макса, но разница в росте их ничуть не смущала. У неё были длинные тёмные волосы, сама она была одета в элегантное платье, которое идеально сидело на её высокой фигуре.

— Макс-брат! Привет! Как приятно тебя тут видеть! — сказала девушка.

— Юлиана-брат! Как мне приятно видеть тебя тут! Думал, что если ты и придёшь, то будешь там, где вип-зона. Где подобающие тебе.

У этих двоих была такая особая дружеская связь, из-за чего, невзирая на возраст и пол, они друг для друга были братьями. Макс подошёл к девушке, и они крепко обнялись. Юлиана ему в который раз предложила покурить, а он в который раз отказался. Он принципиально не курил. У них завязался тёплый дружеский разговор.

— Ну что, уже есть пара, с кем можно было бы танцевать всю эту ночь? — дружески флиртуя, спросил Макс.

— Брат, уже как бы есть, и, кстати, он один из организаторов этого бала! Представляешь, как мне повезло! Поверить не могу просто, он подошёл ко мне… — радостно делясь, говорила Юлиана.

Макс уже не слушал её. Ему было очень одиноко. Он не понимал почему. Он находился с близким человеком, но не мог рассказать ему про своё внутреннее одиночество, и от этого он становился ещё более одиноким и отстранённым. Юлиана не звалась бы для него «братом», если бы не чувствовала своего «брата» прямо как родного.

— Брат, я же вижу, что тебе грустно слушать мои рассказы о моём кавалере. Хочешь, я помогу тебе с поиском кого-нибудь? — спросила девушка.

Макс вздрогнул. Ему стало противно. Не от неё, нет. От самого себя.

Низкая самооценка? Может быть.
Неуверенность в себе? Определённо.
Желание это исправить? Безусловно.
Храбрость сделать первый шаг? Нету.
Он выдавил из себя улыбку.

— Спасибо, Юль. Я сам. Правда.

И в этот момент прогремел очередной фейерверк — самый громкий за вечер. Двери главного зала распахнулись с такой силой, что ударились о каменные стены.

На пороге стояла девушка. От неё буквально веяло злостью. Она была одета в тёмную мантию с глубоким капюшоном, из-под которого виднелся глубокий вырез платья на груди и дорогое ожерелье. Бледная кожа, готический макияж, огромные зелёные глаза и светлые кудри.

Не глядя ни на кого, она прошла мимо курильщиков в самый дальний, отстранённый угол у забора, встала и просто уставилась на тёмный океан. Достала из ридикюля сигару, золотую зажигалку и закурила.

Проходя мимо, она на долю секунды пересеклась взглядом с Максом.

Это длилось всего мгновение. Её глаза — злые и отчаянные. Его — грустные и одинокие.

Внутри у Макса что-то оборвалось. Словно кто-то выдернул штепсель из розетки, и весь шум праздника — музыка, смех, фейерверки — на секунду стал ватным и далёким. В груди разлилось странное тепло, а по позвоночнику пробежал холодок. Он смотрел, как она стоит у забора, и впервые за весь вечер забыл о том, что он здесь одинок.

— Брат, либо ты подойдёшь к ней прямо сейчас, либо мы в последний раз в этом году общаемся, — сказала Юлиана Максу.

Ему возразить было нечего. Да и не хотелось. Ничего внутри него самого не останавливало. Девушка успела закурить настоящую табачную сигару. Такого не было ни у кого на празднике, да и в принципе это было очень непопулярно. Настоящий табак и дым от него. Возможно, именно поэтому она выбрала место в самом дальнем углу. Мало кому такой запах приятен, но Максу, пока он шёл к ней, этот горьковатый аромат странным образом придал сил. Вдохнув его, Макс немного успокоился — идти к такой девушке было одновременно страшно и легко. Он всё-таки подошёл.

— Бонжур, мадам, — сказал Макс и тут же почувствовал лёгкий стыд от того, что решил использовать именно такое приветствие.

— Бонжур, мсье, — игриво улыбнулась девушка.

Макс завис. Вблизи она была ещё более необычайно красива, но дело было не только в красоте. В её взгляде было что-то такое, от чего он вдруг почувствовал себя мальчишкой. Глубокий, замораживающий взгляд женщины, которая знает о жизни больше, чем он.

— Папироску, может быть? — с лёгкой издёвкой предложила она.

— О нон, мон ами. Не курю, — ответил Макс.

— Тогда что хотели, если не стрельнуть сигарету?

— Да вот увидел, как вы ярко, словно гром, выходите из бального зала. Что-то случилось?

— Да, очень даже случилось, — девушка затянулась сигарой, задержала дым в лёгких и выдохнула. Она явно хотела сказать что-то колкое, но её губы неожиданно дрогнули, и по щекам потекли слёзы.

«Что делать?» — запаниковал Макс. И тут ему в голову пришла только одна мысль. Да, именно что обнять её. Он не знал, как правильно, но не боялся попробовать. Он поднял маску на лоб, подошёл к ней и аккуратно, медленно, стараясь не трогать ничего, кроме плеч, крепко, но не сильно обнял девушку.

На удивление, она не сопротивлялась и позволила себя обнимать. Сигару она хотела положить на забор, но в итоге та просто упала. Все, кто был рядом, с удивлением смотрели на эту ситуацию. Юлиана и вовсе стояла в шоке. Слишком резко для тех, кто знал друг друга не больше минуты.

Она успокоилась, сама отстранилась от объятий и сказала, глядя на Макса потекшей от слёз тушью:

— Фух, ну ты, я хочу сказать, дерзкий и наглый малец.

— Мне двадцать один, — улыбнулся Макс. — Это всё объясняет.

— А мне двадцать пять, — ответила она. — И это тоже всё объясняет.

У Макса было ещё юное лицо, но теперь он вдруг остро ощутил эту разницу в четыре года. Она казалась ему недосягаемой.

— Наглый, но попавший прямо мне в сердечко, — увидев, что сигара упала, девушка махнула рукой и наконец сказала, что случилось. — Мои младшие сёстры, оказывается, приехали на этот, извини меня, еб… — в этот момент с оглушительным грохотом взорвался фейерверк, на секунду заглушив окончание слова, — …ий фестиваль! Найдя себе кого-то на бал ещё задолго до самого бала. А я как дура приехала, думая, что это будет бал, где мы семьёй проведём время. Только семьей. И теперь я по сути одна. На всём балу. Сёстры с кавалерами, отец новые связи наводит. Ко мне, конечно, подходили всякие принцы, но все они такие стрёмные… ужас просто какой-то. Вот бы кто-нибудь нормальный предложил потанцевать…

«Слишком уж очевидный намёк, но почему бы и да», — подумал Макс.

— Мадемуазель, разрешите ли вы пригласить вас на танец на зависть каждому принцу, что здесь присутствует, и вашим сёстрам? — уже явно флиртуя, сказал Макс.

Она была чуть ниже его ростом, и в качестве ведущего в танце ему будет удобно. Она улыбнулась, и в этой улыбке впервые за вечер не было ни капли злости.

— Ну так уж и быть, гарсон. Я согласна! — радостно сказала девушка и неожиданно для него взяла его за руку и потащила в зал, где проводился бал.

Последнее, что он успел увидеть, — это серьёзное лицо Юлианы, которая показала ему одобрительный жест вслед.

Они вошли в главный зал, и на секунду Макс ослеп. Свет сотен свечей, преломлённый в хрустале люстр, рассыпался по стенам радужными бликами. Под сводчатым потолком, увешанным гобеленами, кружились пары. Музыка — тяжёлая, тягучая, с электронными пульсациями — обволакивала, как вода. Макс почувствовал, как Настя сжала его руку.

— Не бойся, — шепнула она, и в её голосе впервые не было злости. — Просто следуй за мной.

Она взяла инициативу на себя. Её движения были уверенными, отточенными. Макс, привыкший контролировать всё в воздухе, здесь, на паркете, вдруг почувствовал себя неуклюжим. Но она вела его — мягко, но настойчиво, и через несколько тактов он поймал ритм. Их шаги совпали. Её рука в его руке была тёплой, а взгляд — глубоким, как омут.

— Ты неплохо держишься, — сказала она, и уголок её губ приподнялся. — Для мальца.

— Мне двадцать один, — напомнил он.

— Я помню.

Они кружились, и Макс постепенно перестал замечать окружающих. Только её глаза, только её дыхание, только этот ритм. Он даже не заметил, как её пальцы на его плече чуть расслабились, и она едва заметно кивнула кому-то за его спиной.

И тут же её рука исчезла. Макс моргнул — перед ним стояла та же девушка в тёмной мантии с капюшоном, с тем же готическим макияжем, с теми же зелёными глазами. Но что-то было не так. Волосы. Они были заплетены в косу, а не распущены.

— Смена партнёра, — улыбнулась она, и голос был чуть выше. — Так принято.

Макс не успел ответить. Музыка подхватила их, и он закружился с новой партнёршей. Она была чуть ниже, чуть тоньше, и двигалась не так уверенно. Он повёл её, и она подчинилась, но что-то в её манере было незнакомым. Он посмотрел на неё внимательнее — и увидел под слоем готического макияжа юное, почти детское лицо. Сестра. Младшая.

— Ты ведь не она, — сказал он, скорее утверждая, чем спрашивая.

— А ты догадливый, — хихикнула она, и в этом смехе не было ни капли той горечи, что у девушки, с которой он пришёл.

Они сделали ещё несколько па, и тут его плеча коснулась другая рука. Он обернулся — перед ним стояла ещё одна девушка в такой же мантии, но с короткой стрижкой. Вторая сестра.

— Моя очередь, — сказала она, и в её глазах плясали весёлые искорки.

Макс понял, что это игра. Сестры менялись местами, и он, как в калейдоскопе, видел перед собой то одну, то другую. Он начал искать свою даму взглядом и наконец нашёл её у колонны. Она стояла, скрестив руки на груди, и наблюдала за ним с усмешкой. Их глаза встретились. Она чуть приподняла бровь, словно спрашивая: «Ну что, справишься?»

И тут что-то в нём щёлкнуло. Он больше не хотел быть ведомым. Он хотел вести.

Макс отпустил руку младшей сестры, сделал шаг к колонне, где стояла его пара, и протянул ей руку:

— Мадемуазель, вы позволите?

Она усмехнулась, но вложила свою ладонь в его. И как только их пальцы соприкоснулись, он понял, что это она. Настоящая. Тепло её руки, её взгляд, её дыхание. Всё встало на свои места.

Музыка сменилась. Теперь это был вальс — быстрый, стремительный. Макс повёл. Он больше не думал о шагах. Он просто чувствовал её, и она чувствовала его. Они кружились, и зал вокруг них начал затихать. Пары останавливались, гости оборачивались. Свет свечей, казалось, стал ярче, а музыка — громче, хотя оркестр играл вполсилы. Весь зал смотрел на них.

Макс не видел никого. Только её. Её размазанную тушь, её улыбку, её глаза. Он вёл, и она следовала, и в этом танце было что-то большее, чем просто движение под музыку. Это было признание. Это была искра, которая вспыхнула между ними там, у забора, а теперь разгорелась в полную силу.

Они сделали последний поворот, и музыка стихла. Они замерли посреди зала, тяжело дыша, глядя друг на друга.

Тишина длилась секунду. А потом зал взорвался аплодисментами.

Макс поднял глаза и увидел, что у колонны стоит мужчина в маске с золотой инкрустацией. Отец всех сестёр. Он смотрел на них внимательно, и в его взгляде не было ни злости, ни радости. Только холодный расчёт. Рядом с ним стояли две сестры, и на их лицах было написано изумление пополам с восторгом.

Партнёрша наконец отдышалась и посмотрела на него.

— Ну что, малец, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — Ты, кажется, только что произвёл впечатление на моего отца.

Макс усмехнулся, всё ещё держа её за руку.

— Это плохо?

— Это зависит от того, что он теперь захочет с тобой сделать.

Она не отпускала его руку. И он не отпускал её. А музыка уже играла следующий вальс, и пары снова начали кружиться, но для них двоих этот вечер только начинался.

К ним подошёл мужчина. Он был высокий и крупный, статный, с сединой на висках и аккуратной причёской. Мужчина был одет в белый смокинг.

— Экселент, мон фис! Чудесный был танец! Настенька, познакомишь меня со своим кавалером? — спросил мужчина. Он говорил очень спокойно, своим низким, но басистым голосом. Его голос был невообразимо красив, а речь — чёткой.

— Папа, это человек, который меня поддержал, когда я… убежала от вас. Походу, моё имя он узнал только что от тебя, а его я пока не знаю. — Настя посмотрела на Макса, ожидая, чтобы он что-нибудь ответил.

Макс увидел этот взгляд и протянул руку:

— Сэр, я Максим.

— Константин, очень приятно, Максимилиан, — с небольшой подколкой сказал Константин и пожал ему руку.

— О нет-нет, просто Макс.

— Что ж, Макс, а это мои дочери. С Анастасией ты уже знаком, моя первая и старшая из трёх. — Он взглядом показал на Настю. — Средняя дочь Виктория. — Константин показал рукой на девушку с косой. — И младшенькая Люси. — Он показал на девушку с короткой стрижкой. — Это мои самые дорогие люди в моей жизни. — Он обнял всех дочерей одним объятием. — А мы, Макс, семья Талинных. Если ты слышал про нас, то либо ты слышал восхищение, либо испуг. Мне очень интересно, что у тебя будет первым, если было.

— Ну привет, Максик, — игриво сказала младшая из сестёр.

— Привет-привет, — тоже играюще сказала Виктория, помахав рукой.

Макс подмигнул каждой из сестёр. Всем было понятно, что Макс был самым младшим в компании, и обращались с ним соответственно. Настя напряглась. Ей хотелось заслонить Макса от этих шутливых, но хищных атак своей семьи. Она сделала шаг вперёд, оказавшись чуть ближе к нему, словно защищая.

Прямо перед тем как могло настать неловкое молчание, Константин сказал:

— Макс, ты хорошо ладишь с моей дочерью. При желании приходи сюда же через двадцать минут с Настей, я вас пропущу в вип-зал, и там познакомимся поближе.

— Хорошо, буду рад! — сказал Макс. Он до сих пор не понимал, что значили слова про восторг и страх.

— Отлично, — спокойно сказал Константин и ушёл наверх.

Сёстры разошлись кто куда. Кроме Насти. Она осталась с Максом. Небольшой стресс был у обоих, пока происходил диалог. Настя подошла к Максу, поставила руку на его плечо и сказала:

— Мы с тобой сейчас пойдём покурим по сигаретке из пачки, которую я откладывала на особый момент. И ты не сможешь мне отказать.

Когда тебе говорят такое таким повелительным тоном и таким тёплым, уже сроднившимся голосом, отказать просто невозможно. Какие бы принципы ни были. Макс сам не понял, как согласился.

Выйдя на улицу и вернувшись к той точке, где они познакомились, Настя достала из ридикюля закрытую бело-красную пачку настоящих сигарет, открыла её, достала две штуки и одну дала Максу. В любой другой момент он бы даже не подумал, но не сейчас. Что-то действительно особенное было в этом моменте, и без сигареты тут как будто было просто не обойтись.

Он засунул сигарету в рот. Настя зажигалкой подожгла свою и ею же прикурила сигарету Макса.

— Тяни! — сказала девушка.

Макс действительно впервые в жизни затянулся. Подержав немного дым внутри себя и выдохнув, он сказал:

— Либо момент такой, либо я прирождённый курильщик, но ничего, кроме удовольствия и успокоения, я не чувствую.

— Видишь, а говорил, что не куришь. Закурил прям как миленький. Знаешь, единственный способ получать чистое удовольствие от сигарет — это курить их только когда хорошо. Когда плохо — не надо. Сама полчаса назад так делала, но это скорее на автомате. Всё в пра-

вильных дозах — лекарство, а если ещё и душа счастлива, то тело само залечит даже самую страшную рану.

— Быстро привыкну к ним?

— Считай, уже привык. Ведь ты уже начал, уже затянулся.

В любой другой ситуации он бы пожалел о своём выборе, но только не сейчас. Он сделал ещё одну затяжку, более глубокую и уверенную, но тут уже от непривычки начал сильно кашлять, так, что слёзы выступили на глазах.

— Ну вот, а такая романтика была, — сказала Настя.

— Блин, прости за это.

— Мерд, — сказала Настя.

Макс вопросительно посмотрел на неё.

— Мы же во Франции, поэтому вместо «блин» сказал бы «мерд», — договорила девушка.

Макс ничего не ответил, просто улыбнулся и продолжил учиться курить сигарету.

— Спасибо, что оказался в такой неожиданный и нужный для меня момент. Не знаю, чтобы я делала без тебя сейчас. Может, просто скучала или обкурилась бы до блевотни, — неожиданно призналась Настя.

— Знаешь, ты вообще-то тоже спасла меня от одиночества на балу. Когда ты начала рассказывать, что у тебя случилось, я думал, ты мою проблему описываешь… Эх, как же всё-таки иногда здорово получить нужного человечка в нужный момент. Это прям настоящее счастье, — договорил Макс.

Настя с удивлением слушала его. Ведь она думала, что у него проблем с парой нет. Ведь он стоял с девушкой. И Настя решила отблагодарить его. Выкинув сигарету, она обняла Макса со всей силы и страстно поцеловала в щёку.

— Ну что, ещё по одной? — уже точно влюблённый Макс согласился, и уже молча они выкурили ещё одну сладкую сигарету.

Они докурили вторую сигарету в молчании. Дым растворился в ночном воздухе, смешиваясь с запахом моря. Настя затушила окурок о каменный парапет и посмотрела на Макса.

— Ну что, пошли? Отец не любит ждать.

Они направились обратно к аббатству. У входа в курилку, в тени арки, стояла Юлиана. Она прислонилась к стене, скрестив руки на груди, и смотрела на них с выражением, которое Макс не сразу смог расшифровать. Что-то среднее между восхищением и тревогой.

— Макс, на минуту, — сказала она, и это был не вопрос.

Настя напряглась, но Макс коснулся её плеча.

— Я догоню, — тихо сказал он. Настя закатила глаза, но отошла на пару шагов, делая вид, что разглядывает гобелен на стене.

Юлиана отвела его в сторону, подальше от любопытных ушей. Её лицо в свете факелов казалось старше, чем обычно.

— Я видела танец, — начала она. — Ты молодец. Правда. Я не ожидала, что ты так быстро решишься. И что она… оттает. Но теперь слушай меня внимательно.

Она сделала паузу, словно собираясь с духом.

— Ты знаешь, кто её отец?

— Константин. Глава семьи Талинных, — ответил Макс, вспомнив слова, сказанные у лестницы.

— Не просто глава семьи. — Юлиана понизила голос до шёпота. — Он один из самых влиятельных людей в мире. Чёрный рынок технологичных деталей, редкоземельных ресурсов, оружия — всё это проходит через его руки. Он не просто криминальный авторитет. Он — тень, которая стоит за половиной корпораций, включая, возможно, и Vita Longa. Никто не знает, где заканчивается его бизнес и начинается политика.

Макс молчал.

— Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя, — продолжила Юлиана, и в её голосе появилась искренняя забота. — Я говорю это, чтобы ты был осторожен. С ней. С ним. С его сёстрами. Они играют по другим правилам. И если ты окажешься в этой игре, пути назад может не быть.

Макс посмотрел на неё. В её глазах была тревога. Настоящая, не наигранная.

— Спасибо, Юль, — сказал он тихо. — Я понял.

— Ты понял, но всё равно пойдёшь, — усмехнулась она. — Я вижу это по твоему лицу. Что ж, по крайней мере, теперь ты знаешь, на что подписываешься.

Она хлопнула его по плечу и исчезла в толпе.

Макс вернулся к Насте, которая ждала его у входа.

— Всё в порядке? — спросила она.

— Да, — ответил он, и это было правдой. Но что-то внутри него изменилось. Теперь он знал, с кем имеет дело. И это знание не отпугнуло его. Наоборот, разожгло любопытство.

Вип-зал находился на верхнем ярусе аббатства. Они поднялись по узкой винтовой лестнице, и Макс оказался в помещении, которое мало походило на древние каменные стены. Это был современный зал с панорамными окнами, выходящими на море. Внизу, за стеклом, бушевал прилив, и брызги волн долетали до окон. Внутри — мягкий свет, приглушённые голоса, запах дорогих сигар и вина.

В центре зала стоял длинный стол, за которым сидели люди в масках. Но маски здесь были другими. Не карнавальные, а скорее деловые — минималистичные, закрывающие верхнюю часть лица, но оставляющие рот открытым для разговоров и бокалов. Константин сидел во главе стола. Он снял маску, и теперь Макс видел его лицо целиком: суровое, с глубокими морщинами и пронзительным взглядом.

— Макс, садись, — сказал он, указывая на место рядом с собой. — Настя, дорогая, ты тоже.

Они сели. Настя держалась рядом, и её рука под столом нашла его руку. Это было почти незаметно, но Макс почувствовал тепло её пальцев.

— Ты, я слышал, пилот, — начал Константин, отпивая из бокала. — И не просто пилот. Сын известного в узких кругах пилота-инженера, который тебя многому научил. Мне навести справки — минутное дело.

Макс кивнул, не видя смысла отрицать и спрашивать откуда он знает.

— А ты знаешь, чем я занимаюсь? — Константин откинулся в кресле.

— Слышал, — ответил Макс, и его голос не дрогнул. — Вы занимаетесь ресурсами. Технологиями. Тем, что нужно миру.

— Миру, — усмехнулся Константин. — Миру не нужно то, что я продаю. Миру нужно то, что он хочет. А я даю ему это. Вопрос в том, готов ли ты стать частью этого?

Макс посмотрел на Настю. Она смотрела на него, и в её глазах была тревога пополам с надеждой.

— Я готов, — сказал Макс. — Я хочу работать с вами.

— Почему? — Константин прищурился. — Деньги? Власть? Или что-то ещё?

— Всё вместе, — честно ответил Макс. — Но главное — я хочу быть там, где что-то происходит. Я устал от балов и пустых разговоров. Я хочу делать что-то настоящее.

Константин долго смотрел на него. Потом улыбнулся — впервые за весь вечер. Это была не тёплая улыбка, а улыбка человека, который нашёл то, что искал.

— Хорошо, Макс. Я дам тебе шанс. Но запомни: я не прощаю ошибок. И я не прощаю предательства. Если ты со мной — ты со мной до конца.

— Я понимаю.

— Тогда пей, — Константин пододвинул к нему бокал. — И давай наслаждаться музыкой.

Снизу, из главного зала, доносилась симфония. Она поднималась по каменным стенам, проникала сквозь пол, и казалось, что сам воздух вибрирует в такт музыке. В ней было что-то древнее и одновременно футуристичное: струнные инструменты сливались с электронными синтезаторами, создавая звук, который невозможно было описать словами. Это была музыка, которая существовала вне времени, как сам Мон-Сен-Мишель.

Макс закрыл глаза на секунду. Рядом сидела Настя. Напротив — человек, который мог дать ему всё, о чём он мечтал. И где-то внизу, в шуме бала, Юлиана, которая предупредила его об опасности.

Он сделал глоток из бокала. Вино было терпким и холодным.

Он не знал, что будет дальше. Но впервые за долгое время он чувствовал, что стоит на пороге чего-то настоящего. И готов был идти за этой жизнью до самого конца.

Глава 3 "Отец"

Тяжело вот так просто совершить нечто ужасное, чего ты никогда не делал. Это факт.

— …и ещё раз, для тех, кто не слушал, — голос Константина заполнил тесный отсек, — вход через затопленный док. Станция старая, система безопасности там держится на честном слове и моём кармане.

Если тебя никто не уговаривает, не манипулирует, если у тебя никогда не было причин делать боль другим — ты её и не делал.

— NULL — в Исландии, — продолжал Константин, — больше тысячи километров. По такой погоде — сутки, может, двое. Если вообще рискнут подняться.

Нужен особый резон. Что-то, что не устраивает тебя достаточно сильно.

Подводная лодка шла на глубине, и её корпус гудел ровно, тяжело, как огромное сердце. Пахло маслом, горячей электроникой и потом. В тесном отсеке сидели Константин, его дочери, Макс с Настей и десяток вооружённых людей — молчаливых, в тёмной экипировке, с оружием, которое в 2152-м называли «иглой»: тонкие импульсные винтовки, почти игрушечные на вид, но пробивающие броню насквозь.

Макс держал Настю за руку. Крепко. Нервно.

— Итак, леди и джентльмены, — Константин обернулся, — приглашаю к столу. Обсудим ещё раз, а потом — либо небольшой перекус, либо полноценный пир. Это сейчас сугубо от вас зависит, мать вашу.

И когда ты на постоянной основе совершаешь злодеяния и прикрываешься верностью, любовью, желанием поступать правильно — но для кого-то, — рано или поздно ты не выдержишь. Ты захочешь снять маску. Нужно только понять, когда наступит тот момент, когда взлом совести, что работает внутри тебя, перестанет работать.

Настя сжала пальцы Макса в ответ. Она смотрела на отца, и в её зелёных глазах не было ни злости, ни страха. Только усталость.

Точнее — в этот момент у взлома будет устаревшая версия: старые резоны забыть про совесть уже не сработают, а новых он предложить не сможет. Он работает на старой прошивке, ты же каждый день меняешься и становишься лучше — и он уже не может задеть всего тебя. У него не хватит мощности. А у тебя хватит сил отразить атаку.

Макс и Настя переживали из-за разных, но зачастую общих причин. У обоих: ограбление очень далёкое от дома, недавние событии в семье и между ними. Так же были и отдельные причины для стресса, и у Макса, и у Насти.

Прошло почти два года с того момента, как Макс станцевал с Настей и её сёстрами на Мон-Сен-Мишель. Был февраль 2152-го. Старая наземная станция Vita Longa — приземистые ангары, вросшие в гренландский лёд, мёртвое посадочное поле, мачты антенн, торчащие в полярную ночь, — стояла законсервированной до весны. Из-за погоды. Из-за метели, которая шла восьмой час.

Именно поэтому они и плыли.

— Наш финансовый план и итог, который я хочу, чтобы все получили, — Константин опёрся на стол. — Слушайте внимательно. Говорю в последний раз. Грузы — в дальнем ангаре. Дальше всё зависит от вас всех и от того как вы выполните свою роль в этом плане. И либо будет перекус после дела, либо целый пир.

Он замолчал. И это молчание сказало больше, чем все его слова.

Хотя этот человек никогда прежде такого не испытывал. Уж точно не так явно.

— Папа.

Виктория, средняя, подошла и обняла его за плечи. У неё был ровный, спокойный голос — голос человека, который уже видел отца таким и знает, что с этим делать.

— Если у тебя плохое предчувствие, мы можем всё отменить. Прямо сейчас. Лодка развернётся, и никто ничего не узнает.

— Ни в коем случае. — Константин мотнул головой. — Это фантазия. Разыгралась после того, что было месяц назад.

— Папа, в тебя стреляли. — Люся не подошла. Она осталась сидеть, скрестив руки, и её голос был резче, моложе, злее. — Много. Ты чуть не умер. Это не фантазия.

Ей был двадцать один год — столько же, сколько было Максу, когда он танцевал с сёстрами. Вике — двадцать два.

— Спасибо, дочки. — Константин выпрямился. — Этот ублюдок так и не попал. А потом у меня тогда ещё песком срал, когда Макс и Настя поймали его и на моих глазах накормили песком, пока он стонал.

Макс не поднял глаз. Настя не разжала его руку.

Мы сделали это не для него. Мы сделали это, потому что не могли иначе. И именно это меня беспокоит.

Он вспомнил тот день. Торно, скорчившийся на полу, песок на губах, кровь на зубах. Как Настя держала его за волосы, а Макс — за плечи. Как Константин смотрел. Как они оба потом молчали всю дорогу назад. Тогда это казалось правильным. Или хотя бы неизбежным. Сейчас — просто грязным.

— Сладкая парочка. — Константин произнёс это без злобы, почти ласково, и от этого стало хуже. — Вы что-то притихли.

— Мы слушаем, — сказала Настя.

— Слушаете. — Он кивнул. — Хорошо. Слушайте дальше. Через два часа выходим. Группа — четыре человека. Ты их не знаешь, они тебя не знают. Это правильно.

Меньше знаешь — дольше живёшь. Или меньше расскажешь, когда возьмут.

Он подошёл к Максу. Близко. Так, что тот почувствовал запах его одеколона — дорогого, тяжёлого, с ноткой табака.

— Ещё одно, Макс. Если ты думаешь, что можешь продать меня кому-то другому — NULL, Конфедерации, Vita Longa, да считай это всё одна контора, — подумай ещё раз. Я не прощаю предательства. Никому.

— Я понял.

— Хорошо. — Константин отступил. — Тогда идите. Оба. Мне нужно поговорить с людьми.

Макс и Настя вышли в соседний отсек. Дверь закрылась. Они стояли в узком коридоре, плечом к плечу, и молчали. Где-то за переборкой гудел двигатель. Настя смотрела в стену. Макс — на свои руки.

Он не знает. Или знает, но ещё не решил, что с этим делать. Либо перекус, либо пир. Он сказал это про нас.

Настя наконец повернулась к нему. Ничего не сказала. Просто посмотрела — долго, внимательно, как будто искала в его лице ответ на вопрос, который ещё не задала.

Макс взял её за руку. И она не отняла.

— Молодые, я всё прекрасно понимаю. Я тогда переборщил, и лучше бы попросил кого-нибудь другого это сделать. Было бы лучше, если бы кто-то из моих подручных это сделал. Не вы. Но я же заплатил вам. И заплачу очень и очень хорошо за это дело. Твою мать, это последнее дело и всё. Пенсия в наши ещё не старые годы. А ведь мне сорок восемь.

Он говорил так почти перед каждой сделкой или ограблением последние полгода. Этот человек просто не может остановиться.

— Пап, а обязательно было проворачивать дело именно здесь, так далеко от дома? Я хочу обратно в Санкт-Петербург. В квартиру, где жили мы с мамой. Как скоро я туда вернусь? — чуть-ли не со слезами говорила Настя.

— Малыш, последнее дело, и я от вас двоих отстану. Я клянусь. Буду просто ждать приглашения куда-нибудь в тёплые страны на свадьбу. Что может быть лучше для отца? — многообещающе сказал Константин.

— Хорошо… пап… надеюсь на это.

— Макс, вы вдвоём действительно как Бони и Клайд, только с хорошей натурой. Я за вас на это не сержусь. Но без вашего профессионализма, без ваших навыков, без вас я как без лучших карт в колоде. Пилот и техник. Что может быть лучше? — сказал с улыбкой Константин.

Зачем ему пилот, если всё дело сугубо на земле? Приплыл, зашёл в здание, забрал что надо и уплыл обратно, так ведь? Это проверка от него. Пойду ли я ради него на северный полюс? Да. Ещё чуть-чуть, и мне больше не придётся терпеть его. Точнее, я его и его дружков больше не увижу.

Отсек подготовки был теснее остальных — узкая щель между торпедными стеллажами, забитая ящиками. Люди Константина уже вскрывали контейнеры, и в холодном свете ламп оружие и металл отливали синевой. Они наконец подплыли к берегам Гренландии, где располагалось одно из самых первых станций Vita Longa. Там было что-то очень ценное — даже Константин не до конца понимал, что именно, но жадность в человеке всегда говорит первой.

Февраль здесь — это не месяц. Это состояние. Солнце не встаёт уже третью неделю, и мир сжался до размеров того, что освещают прожекторы. Небо не чёрное — оно цвета глухой, непроглядной синевы, как будто кто-то взял ночь и разбавил её чернилами. Звёзды в нём не мерцают, а стоят — острые, злые, будто их вбили в небо гвоздями. Луна если и появляется, то висит низко, бледная, как больной, и свет от неё не греет и не помогает — только отбрасывает тени, которые длиннее, чем должны быть.

Холод здесь не ощущается как температура. Он ощущается как вес. Воздух густой, тяжёлый, и каждый вдох — это маленькая победа: пар изо рта вырывается белым облаком и тут же уносится прочь, будто его и не было. На открытых участках лицо начинает гореть через минуту, а через пять — перестаёт болеть, и это уже плохой знак. Металл нельзя трогать голыми руками. Вода в бутылке, оставленной в машине, становится камнем. Дизель густеет, техника отказывает, и люди ходят медленно, осторожно, как по тонкому льду.

Ветер — главный хозяин этих мест. Он не воет, как в кино. Он дышит. Ровно, глубоко, как огромное существо, которое спит под ледяным щитом и иногда ворочается. Когда оно просыпается, снег перестаёт падать и начинает лететь — горизонтально, сплошной стеной, миллионами мелких игл. Это называется белая мгла. В ней нет верха и низа, нет направлений, нет расстояний. Есть только белое, и ты внутри него, и единственное, что доказывает, что ты ещё существуешь, — это пар изо рта и хруст снега под ногами. Люди в такую погоду ходят по тросам, натянутым между зданиями, потому что шаг в сторону — и ты уже не найдёшь дорогу назад.

А иногда ветер падает так же внезапно, как и поднялся. И тогда наступает тишина. Не мирная, а звенящая, плотная, как вата в ушах. В такой тишине слышно, как трещит лёд — не где-то далеко, а прямо под ногами, в глубине, где ледник ползёт, сжатый собственным весом. Звук похож на далёкий выстрел, и от него по спине проходит холод, который не имеет отношения к температуре.

Ледник не неподвижен. Он живёт. Медленно, нечеловечески, но живёт: ползёт к морю, вздыхает, лопается. Его поверхность — не гладкая равнина, а лабиринт трещин, прикрытых тонкими снежными мостами. Трещины уходят вниз на сотни метров, и в глубине их лёд светится синим — не небесным, а каким-то потусторонним, будто там, внизу, заперт кусочек другого мира. Ходить по такому льду — всё равно что ходить по стеклянной крыше, которая вот-вот треснет.

А ближе к побережью, где тёмная вода лижет кромку, стоят айсберги. Ночью они чёрные, только кромки светятся синим, будто кто-то провёл по ним мелом. Они не плывут — они

стоят, как стражи, и иногда с них доносится низкий гул, похожий на подвывание. Это лёд откалывается и уходит в воду. И тогда кажется, что сама земля стонет.

Над всем этим — небо. Чёрное, бездонное. И где-то в нём — кротовая нора, ресурсы, время. Всё то, ради чего сюда приходят корабли. Но отсюда, с земли, это выглядит просто как ещё несколько звёзд. Никто бы не догадался.

Макс стянул куртку. Под ней — тонкое термобельё, второй слой, третий. Настя стояла рядом, молча натягивая на себя то же самое, и её дыхание в тесном отсеке вырывалось короткими белыми облачками.

— Слушайте внимательно, повторять не буду, — сказал Константин, и его голос перекрыл лязг. — За бортом минус сорок. Ветер — двадцать метров в секунду, порывы до тридцати. Без снаряжения вы трупы через десять минут. С ним — через сорок, если кто-то отстанет.

Он поднял со стола шлем — гладкий, тёмный, с широким забралом и двумя антеннами по бокам.

— Экзоскелет. Лёгкий, не армейский. Держит тепло шесть часов, гнётся как обычная одежда, но не даст сломать руку, если упадёте. Забрало — с подогревом. Дышать можно. Говорить — через встроенный микрофон, иначе ветер сожрёт слова.

Люди Константина уже натягивали свои — быстрыми, отработанными движениями. Никто не спрашивал. Никто не шутил.

— Ранцы, — Константин кивнул на ряд цилиндров у стены. — Мини-реактивные. Не для полёта. Для ходьбы. Снег здесь — не снег. Это пыль. Провалишься по грудь и будешь ползти, пока не замёрзнешь. Ранцы дают импульс вверх — короткий, на полсекунды. Хватает, чтобы идти по поверхности, а не тонуть.

Макс взял свой. Цилиндр был холодным, тяжёлым, с двумя соплами снизу и ремнями, которые крепились на спине и на бёдрах. Полсекунды. Один неверный импульс — и я улечу в трещину.

— Настраиваются под вес, — Константин заметил, как он вертит цилиндр. — Тебе — на девяносто. Тебе, — он посмотрел на Настю, — на шестьдесят. Не спорь. Ты легче.

Настя не спорила. Она застёгивала ремни, и её пальцы не дрожали. Макс смотрел на неё и думал, что она делала это раньше. Не спрашивал.

— Выходим через шлюз, — продолжил Константин, натягивая шлем. — Лодка всплывёт в двухстах метрах от берега. Дальше — пешком. Дно илистое, но промёрзшее. Идти по ранцам, короткими импульсами. Не прыгать. Не геройствовать. Если кто-то провалится — за ним не лезем. Он сам выберется или останется.

Он сказал это спокойно. Как погоду.

— Виктория, Люся, — Константин обернулся к дочерям, — вы идёте за мной. Макс, Настя — за ними. Четверо людей — в арьергарде. Всё, что увидите на станции, — не ваше. Не трогать, не открывать, не жалеть. Мы пришли за грузом. Всё остальное — потом.

Шлемы закрылись почти одновременно — шесть щелчков, глухих, как выстрелы. Мир стал тише: гул двигателя остался снаружи, а внутри шлема — только собственное дыхание и ровный голос Константина в микрофоне.

— Шлюз. Пошли.

Шлюз открылся, и в лицо ударил холод. Не как ветер, а как стена — плотная, тяжёлая, с запахом соли и льда. Макс на секунду задохнулся, прежде чем подогрев забрала справился, и мир перед ним стал ясным: чёрная вода, чёрное небо, и где-то вдали — тонкая полоса берега, белая от снега, как будто кто-то провёл мелом по горизонту.

Лодка всплыла бесшумно. Корпус качнулся, и вода вокруг закипела от пузырей. Трап вывалился с борта, и первый человек Константина уже спускался — короткими, уверенными шагами, без страховки.

Макс ступил на лёд. Под ногами хрустнуло, и он почувствовал, как ранцы на спине включились — лёгкий толчок вверх, потом ещё один. Он шёл не по снегу, а над ним. Как по воде. Только вода не пытается тебя убить.

Настя шла рядом. Её шлем был чуть меньше, и в свете луны забрало отражало звёзды. Она не смотрела на него. Она смотрела вперёд — на берег, на станцию.

А станция была уже видна. Приземистые ангары, вросшие в лёд по самые крыши. Мачты антенн, тонкие, как стебли, с красными точками огней, мигающими в такт чему-то своему. Ни одного окна без решётки. Ни одной двери без шлюза. И над всем этим — полярная ночь, чёрная, бездонная, с острыми, злыми звёздами.

— Двести метров, — сказал Константин в микрофоне. — Дышим ровно. Ранцы — не перегревать. Импульс — раз в две секунды. Кто собьётся — не догонять. Встать и ждать.

Макс сделал шаг. Потом ещё один. Лёд под ногами был не твёрдым и не мягким — он был обманчивым, как тонкая корка на сугробе. Ранцы толкали вверх, но каждый раз, когда он опускался, слышался хруст, и сердце на секунду останавливалось.

Один импульс. Второй. Третий.

Впереди Константин уже подходил к берегу. Его фигура в тёмном экзоскелете казалась частью ночи — безликой, тяжёлой, нечеловеческой.

— Шлюз станции — в ста метрах, — голос в микрофоне был спокойным. — Охрана — три андроида. Ночная смена. Они уже спят. Если нет — разбудим.

Макс оглянулся. Настя шла за ним, и её дыхание в шлеме было ровным. Люся — чуть позади, сжатая, как пружина. Виктория — рядом с отцом, плечом к плечу.

Мы идём грабить станцию. В феврале. В минус сорок. По льду, который вот-вот треснет. И я держу за руку дочь человека, которого собираюсь предать.

Он посмотрел на станцию. На красные огни. На чёрное небо.

Если бы кто-то сказал мне два года назад, что я буду здесь, — я бы не поверил. А теперь — иду. И не чувствую ничего. Кроме холода.

— Сто метров, — сказал Константин. — Приготовиться.

И тогда это случилось.

Человек из арьергарда — четвёртый в цепочке, тот, что шёл последним, — отстал на полшага. Может, устал. Может, неправильно рассчитал импульс. Может, просто не повезло.

Лёд под ним не треснул. Он просто исчез.

Макс услышал не крик — крика не было. Услышал, как взвыли ранцы на пределе, как сопла выплюнули последний импульс, и как этот импульс ушёл в пустоту. А потом — глухой удар. И тишина.

— Стой! — голос Константина в микрофоне был ровным. — Всем стоять.

Макс обернулся. За спиной, в десяти метрах, зияла дыра — чёрная, рваная, с краями, присыпанными снегом. Снежный мост, прикрывавший трещину, обвалился, и внизу, в глубине, светился синий лёд. Далеко. Очень далеко.

— Я здесь! — голос из микрофона был хриплым, сдавленным. — Я на выступе! Держусь! Вытащите!

Макс шагнул было назад. Настя схватила его за руку.

— Не смей, — сказала она тихо, только для него. — Он сказал.

Константин не двигался. Он стоял у берега, и его шлем был повёрнут в сторону трещины. Секунду. Две. Три.

— У тебя ранцы, — наконец сказал он. — Работай ими. Импульс вверх, потом вбок. На выступ.

— Я пробовал! — голос сорвался. — Сопла забились! Я не могу…

— Тогда попробуй ещё раз.

Пауза. В микрофоне — тяжёлое дыхание, потом скрежет, потом снова тишина.

— Константин. — Голос был тише. — Константин, я не…

— Мне жаль, сынок. — Константин произнёс это тихо. Почти нежно.

Он отвернулся.

— Идём. Сто метров.

— Папа! — Люся шагнула вперёд. — Мы не можем просто…

— Можем. — Константин не обернулся. — И будем. Если мы пойдём его вытаскивать, провалимся все. Это как подниматься на Эверест. Груз важнее.

Люся замерла. Виктория положила руку ей на плечо — молча, крепко.

Макс смотрел в трещину. Голос из микрофона ещё что-то говорил — уже не разобрать, — потом стих. Потом послышался скрежет, короткий, как всхлип. И всё.

Он был живым десять секунд назад. Теперь его нет. И мы идём дальше.

Настя потянула его за руку. Он повернулся. Пошёл.

Ранцы толкали вверх, лёд хрустел под ногами, и где-то за спиной, в чёрной воде, медленно смыкалась трещина, заметая следы.

База не пытается быть красивой. Она пытается выжить. Её стены обросли наледью, как коралл, и в свете прожекторов лёд кажется голубым, почти аквамариновым, будто внутри стен заперли кусочек неба. Между ангарами натянуты тросы — те самые, чтобы не потерять друг друга в метель. Снег вокруг вытоптан, укатан гусеницами, но уже через час метель заметает следы, и кажется, что здесь никогда никого не было.

Посадочное поле не расчищено — его просто утоптали тяжёлой техникой, и оно блестит, как каток. По краям — ряд сигнальных огней, красных и зелёных, и они дрожат в морозном воздухе, расплываются, как отражения в воде. Над полем висит вертолёт, заиндевевший, с обледеневшими лопастями, и по тому, как он стоит, понятно: его не поднимут до весны. Он спит.

А в самом дальнем ангаре, куда не пускают посторонних, — груз. Ящики, контейнеры, капсулы, и всё содержимое в них имело очень сомнительное происхождение. Они стоят в ряд, как гробы, и от них веет холодом, который не имеют права чувствовать люди. Их охраняют. Их ждут. Из-за них сюда приходят корабли. И из-за них кто-то однажды решит, что имеет право забрать их сам.

Шлюз станции открылся с шипением, и это было единственным звуком за последние сто метров. Внутри — коридор, залитый тусклым янтарным светом. Тепло. Почти неприлично тепло после льда. Пахло горячей электроникой, застоявшимся кофе и машинным маслом.

Константин поднял руку. Все замерли.

На стене, в углу, мигнул красный глазок камеры. Повернулся. Уставился прямо на них.

Константин не сдвинулся. Забрало шлема было тёмным, гладким, без единой щели. За ним — ничего. Ни лица, ни глаз, ни страха.

— Камеры не работают, — голос Насти в микрофоне был ровным. — Уже три минуты. Я пустила петлю.

Она держала в руке гаджет — тонкую пластину размером с ладонь, с выдвижным экраном и рядами крошечных клавиш. Инженерный терминал. На экране бежали строки кода, и её пальцы двигались по ним быстрее, чем Макс успевал читать.

Константин кивнул.

— Пошли.

Они двигались по коридору беззвучно. Экзоскелеты гасили шаги, шлемы — дыхание. Первый охранник стоял у поста — неподвижно, с «иглой» в руках, смотрел в пустоту перед собой. Андроид. Гладкий корпус, тёмные сенсоры вместо глаз, на груди — гравировка VL.

Макс подошёл сзади. Обхватил за шею, сжал. Андроид дёрнулся, издал короткий металлический скрежет — и обмяк. Макс аккуратно уложил его на пол. Настя уже стояла рядом, гаджет в руке, и её пальцы летали по экрану.

— Отключаю его от сети, — сказала она. — Если он успел передать сигнал — у нас минута.

— Работай, — сказал Константин.

Она что-то нажала. Андроид дёрнулся ещё раз и затих окончательно.

— Один, — сказал Макс в микрофон.

Второго взяли в переходе — он шёл с планшетом, и планшет полетел на пол раньше, чем андроид успел понять, что произошло. Люся перехватила его в воздухе, прежде чем тот ударился о бетон. Тишина.

— Два, — сказала Люся.

Третьего взяла Виктория — локтем в сенсорный блок, Константин — коленом в корпус. Андроид заискрил и замер. Настя снова подключилась, отключила от сети.

— Три, — сказал Константин. — Чисто.

Настя остановилась у терминала в конце коридора. Гаджет в её руке мигнул, и на выдвижном экране вспыхнула схема станции — коридоры, двери, датчики.

— Дальше склад, — сказала она. — Камеры там нет. Но есть датчики движения. И ещё одна проблема.

— Какая? — спросил Макс.

— Связь. У них тут ретранслятор. Если кто-то из андроидов успел передать сигнал — NULL узнает через минуту. — Она подняла глаза. — Мне нужно его подавить.

Константин посмотрел на неё.

— Сколько времени?

— Минуты три. Может, четыре. — Она кивнула в сторону одного из людей в арьергарде. — Он со мной. Прикроет.

— Идёшь одна? — Макс шагнул вперёд.

— Я не одна. — Настя уже шла к боковому коридору. — И не спорь. Ты нужен здесь.

Она исчезла за поворотом. Человек из арьергарда — молчаливый, в тёмной экипировке — двинулся за ней.

Ретранслятор стоял в нише у стены — чёрный ящик с антеннами, мигающий зелёными огоньками. Настя опустилась на колено, достала из кармана небольшой диск — плоский, с магнитными защёлками.

— Держи коридор, — сказала она, не оборачиваясь.

Человек встал у стены, подняв «иглу».

Настя приложила диск к корпусу ретранслятора. Диск мигнул, и на её гаджете побежали строки — быстрые, рваные. Она что-то поправила, снова нажала.

— Подавляю, — сказала она в микрофон. — Тридцать секунд.

Ящик мигнул. Зелёные огоньки погасли один за другим. Антенны дрогнули и замерли.

— Готово. Связи нет. — Она поднялась. — Теперь мы глухие. И они тоже.

Они прошли склад — длинный ангар, заставленный ящиками, контейнерами, какими-то цилиндрами в рост человека. В темноте всё это казалось декорациями к чужому сну. Настя шла впереди, гаджет в руке, и двери открывались перед ней одна за другой.

А потом датчик мигнул.

Не тот, что она отключила. Другой. Тот, о котором она не знала.

— Стоп, — сказала она.

Поздно.

Из-за контейнера вышел андроид — высокий, с двумя «иглами» наперевес, с сенсорами, горящими красным. Он не крикнул. Он просто поднял оружие.

Макс выстрелил первым.

Импульс ударил андроиду в плечо, отбросил назад, и одна «игла» улетела в стену. Андроид заскрежетал — коротко, оборванно. И этот скрежет стал сигналом.

Свет в ангаре вспыхнул. Из бокового коридора выскочили ещё двое, стреляя на ходу. Импульсы резали воздух с сухим треском, оставляя за собой запах озона. Константин упал на одно колено, выстрелил дважды — один андроид упал, второй откатился за ящик.

— Н.! — крикнул Константин.

— Уже!

Она что-то сделала с гаджетом, и двери бокового коридора захлопнулись с лязгом. Один из андроидов остался снаружи. Второй — внутри, за ящиками.

Макс подошёл к ящику, за которым тот прятался, и просто выстрелил в потолок над ним. Андроид выронил оружие.

— Не добивать, — сказал Константин в микрофон. — Отключить.

Настя уже была рядом. Гаджет мигнул, и андроид замер, сенсоры погасли.

Тишина.

— Всё, — сказала Настя. — Дверей больше нет. Склад открыт.

Они прошли в дальний ангар — тот самый, с красной точкой на карте. Огромное помещение, холодное даже через экзоскелет. Вдоль стены — ряды контейнеров.

Константин подошёл к первому. Открыл.

Пусто.

Второй. Пусто.

Третий. Пусто.

Он стоял секунду. Две. Потом медленно повернулся.

— Здесь ничего нет.

Макс почувствовал, как по спине прошёл холод — не от температуры. Он не удивлён. Он просто констатирует. Как будто ждал.

— Ничего? — переспросила Виктория. — Совсем?

— Совсем.

Константин обвёл взглядом ангар. Пустые контейнеры. Пустые ящики. Чистые полки.

— Здесь было чисто. Задолго до нас. — Он посмотрел на Настю. — Сколько охраны мы взяли?

— Шестерых. Андроидов. — Она сверилась с гаджетом. — И ещё трое на подходе. Я вижу их сигналы. Они ещё не в сети.

— Шесть. — Константин медленно кивнул. — На станцию, где хранится груз на миллиарды. Шесть андроидов. Ночная смена. И ни один не передал сигнал.

Тишина стала плотной, как лёд.

— Нас ждали, — сказал Макс. — Или…

— Или это не станция, — закончил Константин. — А приманка.

Комната с терминалом оказалась в самом конце станции — просторная, с высоким потолком и огромными панорамными окнами, выходящими на лёд. За стеклом — чёрная ночь, белая мгла, и где-то вдалеке — тонкая полоса берега. Внутри — пульты, экраны, мигающие индикаторы. И тишина.

Макс собрал всех. Двери закрыли. Люся встала у входа.

Настя опустилась на пол прямо у стены под окнами — спиной к бетону, колени подтянуты, гаджет на коленях. Её пальцы бежали по экрану, и в свете индикаторов лицо казалось бледнее обычного.

Виктория подошла к окну. Встала. Скрестила руки. И стала смотреть наружу — в белую мглу, в чёрную ночь, туда, где не было ничего, кроме льда.

— Итак, — Макс опёрся на стол. — Мы зашли. Тихо. Убрали шестерых. Открыли склад. А там пусто. Вопрос: что происходит?

— Нас сдали, — сказала Люся от двери. — Кто-то знал, что мы придём.

— Или груз никогда не был здесь, — сказала Виктория, не оборачиваясь. Её голос звучал глухо, как будто она говорила сама с собой. — И нас послали за воздухом.

— К., — Макс посмотрел на Константина. — Ты проверял данные перед выходом?

Константин молчал. Долго. Потом сказал:

— Проверял. Информация была точной. Груз должен быть здесь.

— «Должен быть», — повторил Макс. — А его нет.

Он посмотрел на Настю. Она сидела на полу, не поднимая глаз от гаджета, и её пальцы не останавливались ни на секунду.

— Н., — сказал Макс. — Ты можешь проверить логи станции? Кто заходил. Когда. Что вывозили.

— Могу, — сказала она тихо, не отрываясь от экрана. — Но не отсюда. Нужен главный терминал. Он в соседнем отсеке.

— Где он?

— За коридором. Там точно есть камеры, которые я не отключила.

Константин поднял голову.

— Значит, идём.

— Стой. — Макс поднял руку. — Сначала план. Если нас ждали — в коридоре может быть засада. Если это приманка — на улице может быть NULL. Поэтому: Н. идёт к терминалу. Я и В. прикрываем. Л. остаётся здесь, держит связь. К. — с нами.

Он обвёл всех взглядом.

— Вопросы?

Тишина.

— Тогда работаем.

И в этот момент Настя замерла. Её пальцы остановились. Гаджет мигнул — ярко, на всю комнату.

Она медленно подняла голову. В её глазах было что-то, чего Макс не видел раньше. Не страх. Хуже.

— Связь, — сказала она.

— Что? — не понял Макс.

— Связь появилась. — Она подняла гаджет, и на экране пульсировала зелёная точка. — Я подавила ретранслятор. Всё глухо. Но сейчас… — она ткнула пальцем в экран, — кто-то вышел в сеть. Снаружи. И он не глушится.

У окна Виктория вдруг напряглась. Её руки медленно опустились. Она подалась вперёд, почти прижалась лицом к стеклу.

— Там что-то есть, — сказала она. — За окном.

Все обернулись.

За стеклом, в белой мгле, что-то мигнуло. Красным. Потом ещё раз. Потом ещё.

— Это NULL, — сказала Настя с пола, и её голос был тихим, почти шёпотом.

Виктория не отходила от окна. Смотрела. Красные точки приближались — медленно, ровно, как будто шли по льду.

— Что ты сказала, твою мать… — Константин не успел договорить. Следующий этап плана Макса наступил прямо сейчас. Прежде чем он успел настать, у Константина снова началась паническая атака и он облокотился о стену и начал разглядывать своих дочерей, но атака случилась не из-за недавних событий. Наоборот. Из-за очень давних событий. Которые тоже произошли в феврале и им как раз именно этой ночью исполнилось 17 лет.

2123. Крыша на Васильевском острове, Санкт-Петербург.

Он поднялся туда, чтобы покурить. Не потому, что хотел курить, — просто не хотел идти домой. Дома было пусто, и от этой пустоты было холоднее, чем на улице.

Она сидела на краю, свесив ноги, и смотрела на город. Он её не знал. Он вообще редко запоминал лица — работа в порту не располагала. Но её запомнил сразу.

Светлые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Бледная кожа — не болезненная, а какая-то светящаяся изнутри. Усталые глаза, в которых было что-то, чего он не мог назвать: не грусть, а скорее тихое знание. Она была в простом пальто, надетом поверх домашнего свитера, и в руке держала стакан с чаем, который уже остыл.

Он подошёл. Она не обернулась.

— Здесь нельзя сидеть, — сказал он. — Упадёте.

— Я сижу здесь уже два часа. Пока не упала.

— Всё равно.

Она наконец посмотрела на него. И улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него внутри что-то сдвинулось.

— Вы всегда такой серьёзный?

— Всегда.

— Это плохо. Серьёзные люди умирают молодыми.

— А вы, значит, несерьёзная?

— Я? — Она пожала плечами. — Я Лиза. Я живу на пятом. И я несерьёзная.

Он сел рядом. Не потому, что хотел, — потому что ноги сами. И они просидели на этой крыше до темноты, и он не сказал ей ни слова о том, что у него на душе. Но почему-то, когда он спустился вниз, ему впервые за долгое время не хотелось идти домой. Потому что дома было пусто. А на крыше — нет.

2124. Свадьба.

Они расписались в маленьком загсе на набережной. Свидетелей было двое — его друг из порта и её подруга с пятого этажа. После — пошли в кафе на углу, ели пельмени и смеялись над тем, какие они оба нелепые.

— Ты будешь хорошей женой, — сказал он.

— А ты откуда знаешь?

— Не знаю. Просто чувствую.

— А если я плохая?

— Тогда я буду плохим мужем. И мы будем плохими вместе.

Она засмеялась. У неё был хороший смех — тихий, горловой, как будто она смеялась не горлом, а чем-то внутри.

2125. Санкт-Петербург.

Он держал её на руках — маленькую, красную, сжавшуюся в комок, — и не знал, что делать. Лиза лежала на кровати, уставшая, мокрая от пота, и улыбалась.

— Не бойся, — сказала она. — Ты не сломаешь.

— Я не боюсь.

— Боишься. У тебя руки трясутся.

Он посмотрел на свои руки. Они действительно тряслись. Он работал грузчиком в порту, таскал ящики по восемьдесят килограммов, и руки у него не тряслись никогда. А тут — тряслись.

— Настя, — сказал он. — Анастасия.

— Хорошее имя, — сказала Лиза. — Царское.

Он тогда ещё не знал, что будет дальше. Он думал, что будет работать, что будет зарабатывать, что они вырастут, и всё будет хорошо. Он был честным человеком. Он верил, что этого достаточно.

2126. Настя и свет в коридоре.

Настя боялась темноты. Ей было год, может, два. Она просыпалась ночью, и в темноте ей чудилось что-то — она ещё не умела объяснить что, просто начинала плакать. Лиза вставала, брала её на руки и ходила по квартире.

— Тише, тише, — говорила она. — Мама здесь.

Он просыпался тоже. Лежал в темноте и слушал, как Лиза ходит по коридору, как она что-то тихо говорит Насте, как Настя постепенно затихает.

Однажды он вышел в коридор. Лиза стояла у окна, Настя спала у неё на плече.

— Она уснула? — спросил он.

— Уснула.

— Ты каждый раз встаёшь?

— Каждый раз.

— Давай я буду вставать.

— Нет. — Она улыбнулась. — Это моё. Ты работаешь. Спи.

Он не спорил. Но с тех пор оставлял свет в коридоре.

2128. Настя и мамины руки.

Лиза учила Настю готовить. Ей было три, она едва доставала до стола, но стояла на табуретке и смотрела, как мама чистит картошку.

— Мам, а можно я?

— Можно. Держи нож. Только осторожно.

Настя держала нож обеими руками, высунув язык от усердия. Картошка получалась кривой, с толстой кожурой, но Лиза не поправляла. Она смотрела на неё и улыбалась.

— Ты знаешь, что самое главное в готовке? — спросила она.

— Что?

— Не торопиться. Еда чувствует, когда ты торопишься.

— Еда не может чувствовать.

— Ещё как может.

Настя потом всю жизнь готовила медленно. И всегда думала о маме.

2127–2129.

Он приходил с работы в девять, иногда в десять. Пахло от него портом — солью, рыбой, мазутом. Настя уже спала. Лиза ждала его на кухне с разогретым супом.

— Ешь, — говорила она. — Ты весь день на ногах.

Он ел. Потом шёл в детскую, садился на край кровати и смотрел, как Настя спит. Она спала с открытым ртом, раскинув руки, и одеяло всегда сползало на пол. Он поправлял одеяло. Она ворочалась, что-то бормотала.

— Папа, — говорила она сквозь сон. — Ты пришёл.

— Пришёл, — говорил он. — Спи.

Он сидел так иногда по полчаса. Потом возвращался на кухню, и они с Лизой пили чай. Лиза рассказывала, как Настя первый раз сказала «мама», как она упала и разбила коленку, как она боится темноты и просит оставлять свет в коридоре.

— Она вырастет, — говорила Лиза. — И станет кем-то. Может, врачом. Может, учителем.

— Может, пиратом, — говорил он.

Лиза смеялась. У неё был хороший смех — тихий, горловой. Он любил его больше всего на свете.

2130. Вика.

Вторые роды были легче. Лиза сказала, что второй раз всегда легче. Он не поверил, но она оказалась права.

Вика родилась тихой. Она не кричала, как Настя, — она просто смотрела на мир огромными глазами и молчала. Врач сказал, что это нормально. Лиза сказала, что она просто умная.

Настя, которой было пять, подошла к кровати и посмотрела на сестру.

— Она маленькая, — сказала она.

— Ты тоже была маленькой.

— Я не помню.

— Никто не помнит.

Настя осторожно потрогала Вику за щёку. Вика схватила её палец и не отпустила. Настя замерла.

— Она меня держит, — сказала она шёпотом.

— Держит, — сказала Лиза. — Она тебя любит.

С тех пор Настя помогала. Она подавала пелёнки, приносила бутылочки, сидела рядом с кроваткой и рассказывала Вике сказки, которые слышала от мамы. Сказки были неправильные — она путала героев, придумывала новые концы, — но Вика слушала. Вика всегда слушала.

2131. Люся.

Третьи роды были тяжёлыми.

Лиза рожала двенадцать часов. Он сидел в коридоре больницы, и рядом сидела Настя — ей было шесть — и держала его за руку. Она не плакала. Она просто сидела и ждала.

— Пап, — сказала она. — С мамой всё будет хорошо?

— Будет, — сказал он. — Обязательно будет.

Он не знал, что будет. Он врал.

Люся родилась здоровой. А Лиза — нет. Врач вышел в коридор, посмотрел на него и сказал:

— У неё ослабла иммунная система. Это бывает после тяжёлых родов. Ей нужно лечение.

— Какое лечение?

— Есть препараты. Но они дорогие. Очень.

— Сколько?

Врач назвал сумму. Он тогда не запомнил цифру. Он запомнил только, как у него похолодели руки.

Он работал. Он брал дополнительные смены. Он работал по ночам, по выходным, в праздники. Он приходил домой в полночь, падал на кровать и вставал в пять. Он не видел, как Настя первый раз пошла в школу. Он не видел, как Вика сказала первое слово. Он не видел, как Люся поползла.

Он зарабатывал. Но лечение дорожало быстрее, чем он успевал зарабатывать. Мир менялся. Корпорация Vita Longa росла, технологии шли вперёд, новые лекарства появлялись каждые полгода — и каждое было дороже предыдущего. Для богатых. Для тех, у кого были связи. Для тех, кто играл по другим правилам.

А для простых людей — для грузчиков, для медсестёр, для честных отцов — ничего не менялось. Кроме цен.

2133. Одеяло.

Лиза уже почти не вставала. Он приходил с работы — уставший, с красными глазами, — и садился рядом с её кроватью.

— Как ты? — спрашивал он.

— Лучше, — говорила она. Каждый раз.

Он знал, что она врёт. Она знала, что он знает. Они оба молчали.

Однажды ночью, когда все спали, она сказала:

— Кость.

— Что?

— Если я не поправлюсь — не вини себя.

— Ты поправишься.

— Кость.

— Не вини себя.

Он не ответил. Он просто держал её за руку, пока она не уснула.

2132–2134.

Лиза слабела. Сначала она перестала выходить из дома. Потом перестала вставать с кровати. Потом начала кашлять кровью.

Настя, которой было семь, восемь, девять, — делала всё. Она готовила, убирала, водила сестёр в садик и обратно, сидела с мамой, когда отца не было дома. Она не жаловалась. Она никогда не жаловалась.

Вика была рядом. Вика всегда была рядом — тихая, внимательная, с огромными глазами. Она держала маму за руку и говорила:

— Мам, не уходи.

Лиза улыбалась.

— Я не ухожу, — говорила она. — Я просто устала.

Люся не понимала. Ей было два, три, четыре — она не понимала, почему мама не встаёт, почему мама такая бледная, почему все плачут, когда думают, что она не видит.

2134. Крыша.

Незадолго до конца он поднял всех на крышу.

Это была та самая крыша на Васильевском — старая, с рубероидом и ржавыми перилами. Питер внизу был уже не таким старым на вид: новые стеклянные башни корпораций торчали там и тут, вывески Vita Longa мигали на каждом углу, беспилотные аппараты бесшумно скользили над крышами. Мир менялся. Только они оставались теми же.

Лиза сидела в кресле, укутанная в одеяло. Он держал её за руку. Настя сидела рядом с Викой, Вика — с Люсей. Все смотрели на город.

— Красиво, — сказала Лиза.

— Красиво, — согласился он.

— Помнишь, как мы сюда поднимались, когда только познакомились?

— Помню.

— Ты сказал, что найдёшь Полярную звезду.

— Я её нашёл.

— Ты её не нашёл. Ты показал на первую попавшуюся.

Он усмехнулся.

— Ты всё это время знала?

— Конечно, знала. Я просто не хотела тебя расстраивать.

Настя смотрела на них. Ей было девять, и она понимала больше, чем хотела бы. Вика держала Люсю за руку. Люся смотрела на звёзды и ничего не говорила.

— Пап, — сказала Настя. — А мама поправится?

Он посмотрел на Лизу. Лиза посмотрела на него. И улыбнулась — той самой улыбкой, которая ничего не значила.

— Поправится, — сказал он. — Обязательно поправится.

Он врал. Он врал им всю жизнь.

2135.

Лиза умерла в феврале.

Он не успел. Он работал, он брал смены, он продал всё, что мог продать, — но не успел. Лечение, которое могло её спасти, появилось за полгода до её смерти.

Он стоял на кладбище, и рядом стояли его дочери. Настя — десять лет, Вика — пять, Люся — четыре. Все в чёрном. Все молчали.

Он опустился на колени перед могилой. Обнял их всех — неуклюже, крепко, как умел. Вика заплакала. Люся заплакала. Настя не плакала. Настя держала его за руку и смотрела на могилу.

— Папа, — сказала она. — Что теперь?

Он посмотрел на неё. На её лицо — серьёзное, взрослое, недетское. На её глаза — зелёные, как у матери.

— Теперь, — сказал он, и голос его сорвался, — теперь я буду играть по другим правилам.

— По каким?

— По тем, где мы не проигрываем.

Он обнял их крепче. Слёзы текли по его лицу, и он не вытирал их.

— Я играл честно всю жизнь, — сказал он. — Я работал. Я не врал. Я не брал чужого. И что я получил? Я не смог спасти вашу маму. Потому что в этом мире честные проигрывают. Запомните это. Вы самое дорогое, что у меня есть. И я сделаю всё, чтобы вы никогда не оказались на этом кладбище.

Он поднял голову. Посмотрел на небо — серое, питерское, без звёзд.

Этот мужчина просто хотел хорошую и счастливую жизнь для себя и тех, кого он любит сильнее себя. Чтобы дети учились, а он с женой заботился о них.

— Играть честно в этом мире — значит проиграть, — сказал он. — Я больше не буду проигрывать.

Наше время.

Пока Константин ностальгировал, тогда стекло лопнуло.

Не треснуло — лопнуло. С оглушительным, дребезжащим звуком, как будто в комнату влетела птица размером с автомобиль. Виктория стояла у окна, и первая пуля ударила её в плечо. Она не вскрикнула. Она даже не поняла, что произошло — просто посмотрела вниз, на свою руку, и увидела, как по броне течёт капля крови.

— В.? — Люся обернулась. — В., что…

Второй выстрел. Третий. Четвёртый. Стекло сыпалось на пол, и в комнату влетали новые и новые пули — травмирующие, не убивающие, но каждая — как удар молотом. Виктория дёргалась, как марионетка, которую дёргают за нитки. Её отбрасывало к стене, потом от стены — обратно. Она не кричала. Она просто не успевала.

— Всем лечь! — рявкнул Константин. — Быстро! — но все уже лежали.

Люся рванулась к сестре. Константин схватил её за руку, потащил назад. Виктория уже падала — медленно, как в кино, — и её броня скрежетала по полу.

Макс стоял в углу. Он не двигался.

— Н., — сказал он. — Н., ко мне.

Настя смотрела на отца. Потом на Викторию. Потом на Макса.

— Н., — повторил он. — Быстро.

Она смотрела на него, но не могла бросить сестру. Она аккуратно поползла к ней.

И тогда пол взорвался.

Не весь — только середина комнаты. Взрывная волна ударила снизу, и бетонные плиты вздыбились, как картон. Константин, Люся, Настя— все, кто был в центре, — рухнули вниз, в чёрную дыру, которая разверзлась под ними. Свет погас. Пыль ударила в лицо. Макс успел упасть на пол, вжаться в угол, и его едва не утащило следом — край пола обвалился в полуметре от него.

Тишина.

Потом — кашель. Хрип. Где-то внизу, в темноте, кто-то стонал.

Макс поднял голову. Комната была разрушена. Окна — пустые рамы. Пол — рваная дыра посередине. В углу, у стены, лежала Виктория. Её броня была вмятой, покрытой белыми трещинами, и из-под шлема текла кровь — тонкой струйкой, по щеке, на пол.

Она смотрела на него. Глаза были открыты. Она не понимала, что произошло.

— В., — прошептал Макс. — В., не двигайся.

Она попыталась что-то сказать. Изо рта вырвался только хрип.

И тогда в комнату вошли.

Сначала — солдаты. Четверо, в тяжёлой броне, с «иглами» наперевес. Они рассредоточились по комнате, без слов, без суеты. Потом — он.

Мужчина в броне, но без шлема. В пальто поверх брони — длинном, тёмном, с поднятым воротом. Лицо — жёсткое, с глубокими морщинами, с глазами, которые не мигали. Он вошёл, и его шаги были единственным звуком в этой тишине.

Он остановился. Посмотрел на дыру в полу. На Викторию. На Макса.

Потом отодвинул стол — просто отодвинул, одной рукой, как будто тот ничего не весил, — и подошёл к Виктории.

В его руке был пистолет.

— Крис, — сказал Макс. Его голос сорвался. — Крис, какого хера?! Ты что тут устроил?!

Мужчина обернулся. Посмотрел на него. И в его глазах было что-то, чего Макс не ожидал. Не злость. Не холод. Сожаление.

— Прости, Макс. — сказал он.

И выстрелил.

Первый выстрел ударил Виктории в грудь — броня треснула. Второй — в плечо. Третий — в шлем. Четвёртый. Пятый. Он стрелял и стрелял, пока броня не треснула окончательно, и Виктория не обмякла, не закрыла глаза, не затихла.

Макс смотрел. Он не мог двинуться. Он не мог кричать.

Крис опустил пистолет. Повернулся к Максу.

— План, — сказал он. — Ты помнишь план? Ты должен спуститься. Сейчас. Настя внизу. Если ты не спустишься — её тронут.

Макс смотрел на Викторию. На кровь. На трещины в броне.

— Ты…

— Сейчас, Макс. Или всё было зря.

Макс поднялся. Его ноги дрожали. Он подошёл к дыре в полу. Посмотрел вниз — в чёрную бездну, где горели аварийные огни и слышались крики.

— Джетпак, — сказал Крис. — У тебя есть джетпак. Прыгай.

Макс прыгнул.

Ветер ударил в лицо. Джетпак взвыл, и Макс полетел вниз — в темноту, в дым, в хаос. Он падал секунды, которые казались вечностью, и джетпак выплюнул струю пламени, замедляя падение.

Он приземлился на бетон. Точнее — на что-то мягкое. Он посмотрел вниз.

Под ногами был человек. Мёртвый. В форме NULL.

Макс поднял голову.

Туннель. Длинный, широкий, уходящий вглубь. Аварийные лампы мигали красным. И везде — везде — были тела. Солдаты NULL в тяжёлой броне. Люди Константина в тёмной экипировке. Они лежали друг на друге, скрученные, сломанные, и кровь текла по полу, как вода после дождя. Кто-то ещё двигался. Кто-то стонал. Кто-то пытался ползти.

Макс сделал шаг. Его ботинок хлюпнул. Он посмотрел вниз — кровь. По щиколотку. Тёмная, густая, с запахом железа и пороха.

Он пошёл вперёд. Туннель вёл к ракете. К подземному запуску. К Насте.

И где-то там, в глубине, среди трупов, он услышал голос.

Её голос.

Макс побежал.

Кровь хлюпала под ботинками, и каждый шаг отдавался в висках. Туннель уходил вниз, к подземному запуску, и аварийные лампы мигали так, что стены то появлялись, то исчезали. Тела. Ещё тела. Солдаты NULL в тяжёлой броне, люди Константина в тёмной экипировке — они лежали друг на друге, скрученные, сломанные, и кровь текла по полу, как вода после дождя. Кто-то ещё двигался. Кто-то стонал. Макс не останавливался.

— Н.! — крикнул он. — Н…ннааастя!

Тишина. Только гудение генераторов и где-то в глубине — металлический лязг.

И тогда он вспомнил.

Лондон. Год назад.

Её кожа была горячей. Он помнил это — горячей, как будто под ней горел огонь. Они лежали в номере на последнем этаже, окна выходили на Темзу, и город внизу светился миллионами огней. Она была сверху, и её волосы падали ему на лицо, и она смеялась — тихо, горловым смехом, который он любил больше всего.

Но в то же время лицо девушки было изуродовано. Жёлто-фиолетовые синяки на скуле, еле зажившая разбитая губа.

— Ты думаешь слишком громко, — сказала она.

— Прости, моя Смурфета.

— Не прощу… особенно за шутку. — Она улыбнулась, и от этой улыбки на разбитой губе снова выступила кровь.

Он притянул её к себе и поцеловал, и она ответила. На секунду всё исчезло — город, деньги, Константин, ужас последних дней. Осталось только тепло её тела и её дыхание у его шеи.

Потом они лежали рядом, и она рисовала пальцем узоры на его груди.

— Год, — сказала она. — Целый год. И папка решил тебя больше не посылать на мелкие разборки. Так тобой горжусь, мой маленький принц. — Девушка страстно поцеловала парня. — Эх, вот бы как в этой книжке с тобой улететь куда-нибудь далеко-далеко. На другие планеты.

— Целый год уже…

— Ты счастлив?

Он посмотрел на неё. На её зелёные глаза. На небольшой шрам на подбородке. На каждый синяк на её лице. На то, как она улыбалась — чуть криво, как будто не верила, что можно быть счастливой.

— Да, — сказал он. — Счастлив… Ты даже не представляешь, насколько я себе завидую, глядя на тебя.

Он не соврал. Но он уже тогда знал, что эти лёгкие деньги станут самыми дорогими в его жизни. Он каждый день рисковал собой, и это давно перестало приносить адреналин. Только страх. За себя. И за неё.

Всё пошло под откос после того самого клуба в Майами. Неудачная сделка, пьяная дерзость, и мы с Настей сильно оскорбили и послали куда подальше Чёрного Барона — местного влиятельного человека, который привык, что перед ним пресмыкаются. Тогда нам казалось, что за нами стоит сам Талинных, и нам ничего не будет.

Но через несколько дней, когда мы впервые за год решили погулять по городу по отдельности, Настя зашла в местное гетто, даже не понимая, куда идёт. Подъехал пикап, из него вышли трое тощих латиносов.

— Чёрный Барон очень не любит, когда ему дерзят, чуля, — сказал один из них.

Она сопротивлялась. Кричала. Но против троих у неё не было шансов. Её били ногами и руками. Ограбили сумку. Уже планировали изнасиловать, но тут из сумки выпал футляр от очков. А в нём был складной пистолет.

Она схватила его. Открыла футляр. И начала истерично, не целясь, стрелять. Раз. Другой. Третий. Пока вся обойма не опустела. Латиносы в страхе убежали, после того как одному из них попало в пах, а остальным — в ноги. Несмотря на маленький размер, пистолет был очень шумным. Вскоре приехала полиция.

Для Макса это был самый большой кошмар. Когда он узнал, в нём что-то щёлкнуло. Пришло осознание цены этих «лёгких денег». Он не отходил от неё в больнице ни на секунду. Делал всё, что мог.

Затем они улетели в Лондон. К Константину.

Для отца это тоже стало шоком. Когда он увидел Настино лицо, он ужаснулся. Сгрёб её в охапку, начал целовать в голову, в лицо, называть ласковыми словами, предлагать любую помощь.

— Позвони Кэлу, — сказала Настя. — И расскажи, что случилось.

Макс понятия не имел, кто это. Но для неё и отца это был самый лучший вариант.

Через пять минут видеозвонка с Кэлом — человеком с очень сильным латинским акцентом — они завершили разговор. Макс просто стоял рядом и наблюдал. Спустя ещё пять минут пришло сообщение.

«Можете больше не беспокоиться о Чёрном Бароне».

Парочка выдохнула. И после этого Константин предложил местным Бонни и Клайду провернуть очередное «последнее дело» через годик. Где-то в Гренландии.

У Насти сразу загорелись глаза.

У Макса опять что-то щёлкнуло в голове.

Он стоял на балконе позже, курил, пока Настя крепко спала, и смотрел на Лондон.

Если я не выйду из игры, я потеряю всё. И её. И себя. Но как выйти из игры, если твой напарник по игре не хочет и не планирует оттуда выходить?

NULL. Лондон. Кабинет. Здание было неприметным — серый бетон, без вывески, без окон на первом этаже. Сканер на входе, человек в штатском, который посмотрел на Макса так, как смотрят на человека, который пришёл сдаваться.

— Сюда.

Его провели по коридору. Ни картин на стенах, ни растений. Только бетон, металл и тишина, в которой было слышно, как гудит вентиляция. Макс шёл и считал шаги. *Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять.* Он был напряжён и не знал что правильно.

Дверь открылась.

Кабинет был маленьким. Стол, два стула, папка. За столом сидел мужчина — жёсткий, с глубокими морщинами, с глазами, которые не мигали. На нём была простая чёрная рубашка, закатанные рукава, и на предплечье — старый шрам от ожога.

Он не встал. Не предложил сесть.

— Макс, — сказал он. — Я Крис Кеннеди. Командир NULL.

Макс стоял.

— Садись.

— Я постою.

Крис посмотрел на него. Долго. Потом открыл папку. На первой странице — фотография которую сделал знакомый фотограф Константина. Макс и Настя. Бал на Мон-Сен-Мишель. Два года назад.

— Ты долго шёл, — сказал Крис. — Целый год. Мог прийти раньше.

— Мог.

— Почему не пришёл?

Макс молчал.

— Я скажу, почему. — Крис закрыл папку. — Потому что тебе нравилось. Деньги. Она. Ощущение, что ты живёшь, а не существуешь. Я прав?

— Прав.

— Хорошо. — Крис откинулся на спинку. — Значит, мы понимаем друг друга. Ты пришёл не потому, что совесть проснулась. Ты пришёл потому, что стало страшно. Когда страшно — люди умнеют. Это нормально.

Макс сжал кулаки. *Он знает. Он всё знает. Он читает меня, как папку.*

— Я хочу сделку, — сказал Макс.

— Сделку, — повторил Крис. — Все хотят сделку. Садись.

Макс сел.

Крис наклонился вперёд. Положил локти на стол. И его голос стал тише — почти шёпотом, от которого по спине пошёл холод.

— Слушай меня внимательно, потому что я скажу это один раз. Константин Талинных — не просто криминальный авторитет. Он — узел. Через него проходят ресурсы, технологии, оружие. Половина корпораций и чёрного рынка стоит на его поставках. Если я возьму его — я обрушу сеть. Если я обрушу сеть — начнётся война. Ты понимаешь, что ты предлагаешь?

— Понимаю.

— Нет. — Крис покачал головой. — Не понимаешь. Ты думаешь, это игра. Ты думаешь, ты сдашь его, и всё закончится. Не закончится. Люди Константина придут за тобой. Не завтра. Через месяц. Через год. Они найдут тебя. И её найдут. И тогда никакой иммунитет не поможет.

Макс смотрел на него. *Он проверяет. Он хочет, чтобы я испугался. Если испугаюсь — он не поверит.*

— Я знаю, — сказал Макс. — Я готов.

— Готов. — Крис усмехнулся. — Все готовы, пока не прижмёт. Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Двадцать два. — Крис помолчал. — Я был в твоём возрасте, когда впервые убил человека. На войне. И в комнате, похожей на эту, его сын тоже хотел сделку за многое. Он тоже был готов. А потом заплакал. Я не убил его. Но он плакал.

Тишина. Вентиляция гудела.

— Я не заплачу, — сказал Макс.

— Посмотрим.

Крис встал. Подошёл к окну — маленькому, с видом на бетонную стену. Стоял спиной.

— Что ты хочешь за это?

— Иммунитет. Для меня и Насти. Полный. Лёгкую участь для её сестёр.

— Константин не знал, что ты его сдаёшь?

— Не знал.

— А Настя?

Макс замолчал. На секунду. Но Крис обернулся — и увидел эту секунду.

— Она не знает, — сказал Макс.

— Ты уверен?

— Уверен.

Крис смотрел на него. Долго.

— Ты понимаешь, что делаешь? — сказал он наконец. — Ты предаёшь человека, который тебя поднял. Ты предаёшь женщину, которую любишь. Ты предаёшь всех, кто тебе доверял. И ты делаешь это не ради идеи. Не ради страны. Не ради чего-то большего. Ты делаешь это ради себя. Чтобы спасти свою шкуру. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— И всё равно пойдёшь на это?

Макс поднял голову. Посмотрел ему в глаза.

— Пойду.

Крис медленно кивнул. Вернулся к столу. Сел.

— Хорошо, — сказал он. — Сделка есть. Но запомни, Макс. — Он наклонился вперёд, и его голос стал совсем тихим. — Я буду следить за тобой. Каждый день. Каждый час. Если ты хоть раз соврёшь — сделки не будет. Если ты хоть раз дрогнешь — сделки не будет. Если ты попытаешься предупредить Константина — сделки не будет. Ты понял?

— Понял.

Крис откинулся. Впервые за весь разговор — улыбнулся. Но это была не тёплая улыбка. Это была улыбка человека, который знает, что ты в его власти.

— Добро пожаловать в NULL, Макс. Постарайся не умереть.

Макс выбежал на площадку. Здесь было светлее — аварийные прожекторы били в потолок, и в их свете он увидел её.

Настя стояла у стены, прижавшись спиной к бетону, и в руке у неё был гаджет. Она была жива. Цела. Только бледная, и на щеке — кровь, не её.

— Н.! — крикнул он.

Она обернулась. И в её глазах было что-то, чего он боялся больше всего. Облегчение.

— М., — сказала она. — Ты жив.

Он подбежал. Схватил её за руку. Она сжала его пальцы в ответ.

— Надо уходить, — сказал он. — Сейчас.

— Отец. Люся. Они там.

Они выглянули из-за угла. В соседнем отсеке — освещённом, холодном, с бетонными стенами — солдаты NULL в тяжёлой броне вязали Константина и Люсю. Константин стоял на коленях, и его руки были в стяжках, а лицо — разбито. Люся была рядом, и она плакала, но молча, и солдат заводил ей руки за спину.

Настя замерла. Её пальцы сжали руку Макса так, что стало больно. Она чувствовала что всё кончено и по сути это было так. Ту прошлую жизнь не получится вернуть, ни одну из них.

— Н., — сказал он тихо. — Мы не можем.

— Я знаю.

Она отвернулась. И вдруг рванула его за собой — в сторону, в узкий коридор, который уходил вглубь.

— Я знаю, что делать, — сказала она. — Ракета. Подземный запуск. Мы улетим.

— Н., подожди…

— Нет времени.

Комната управления запуском была за стеклом — герметичная, с пультами и экранами. Настя вбежала первой, гаджет уже в руке, и её пальцы летали по экрану.

— Андроид, — сказала она. — Здесь должен быть андроид.

Он был в углу — технический, с инструментами вместо рук. Настя подскочила к нему, воткнула кабель в порт на затылке, и на её гаджете побежали строки.

— Перепрограммирую, — сказала она. — Тридцать секунд.

Макс стоял у двери. Смотрел в коридор. Солдаты были близко — он слышал их шаги.

— Н., — сказал он. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Потом.

— Нет. Сейчас.

Она подняла голову. Посмотрела на него. И в её глазах было что-то, от чего у него сжалось горло.

— Что? — спросила она.

Скажи. Скажи сейчас. Скажи, что это ты. Что ты их сдал. Что ты предал её отца, её сестёр, её.

— Я… — начал он.

Дверь за спиной лязгнула. Солдаты.

— Готово! — крикнула Настя.

Андроид ожил. Его сенсоры вспыхнули синим, и он поднял инструменты.

— За мной, — сказала Настя.

Шахта была огромной — бетонный колодец, уходящий вверх, в темноту. Ракета стояла в центре, серая, покрытая наледью, и от неё тянуло холодом и запахом топлива — резким, сладковатым, от которого першило в горле.

Настя уже была в скафандре. Броня поверх, шлем под мышкой, и она тащила Макса за собой, и её пальцы были холодными даже через перчатку.

— Сюда, — сказала она. — Вход.

Они подбежали к шлюзу. Андроид уже был внутри, у пульта, и его сенсоры горели синим.

— Он запустит отсчёт, — сказала Настя. — У нас минута. Может, две.

Она остановилась. Повернулась к Максу. И улыбнулась — той самой улыбкой, которую он любил. Но сейчас в ней было что-то другое. Усталость. Как будто она держалась из последних сил.

— Мы улетим, — сказала она. — Далеко. Туда, где нас не найдут. К любым звёздам. Куда захочешь.

Макс смотрел на неё. На её улыбку. На её глаза. На то, как она дышала — часто, коротко, как будто ей не хватало воздуха.

— Настя, — сказал он. — Я не полечу.

Она замерла. Улыбка осталась на месте, но глаза изменились.

— Что?

— Я не полечу, — повторил он. — И останавливать тебя не буду. Но я не полечу.

Она медленно опустила шлем. Её руки дрожали.

— Почему?

Он молчал. Слова застревали в горле, как будто кто-то сжал его изнутри.

— Почему, Макс?

— Потому что это я, — сказал он. — Я их сдал. NULL. Я заключил сделку. Я сливал информацию. Всё это время.

Тишина. Только гудение ракеты, и где-то далеко — шаги солдат, и как капает вода с наледи.

Настя смотрела на него. Долго. Её лицо не изменилось. Только губы чуть дрогнули.

— Я знаю, — сказала она.

— Что?

— Я знаю, — повторила она. — Я поняла это ещё там, в комнате. Когда ты сказал «Настя, ко мне». Ты знал, что будет взрыв. Ты знал, что мы упадём. Ты готовил это.

— Настя…

— Я не злюсь, — сказала она. Но голос сорвался. — Правда. Я бы тоже хотела исправить свою жизнь кардинально. Но мне не хватило духу. А тебе хватило.

Она посмотрела в сторону — туда, где был коридор, где остались отец и Люся. И её глаза заблестели.

— Я знала, что ты это сделаешь, — сказала она тихо. — С самого начала. Может, поэтому и влюбилась. Ты был единственным, кто мог.

— Настя, я…

— Не надо. — Она подняла руку. — Не надо оправданий. Я не хочу их слышать. Я хочу запомнить тебя таким. Не жалким. Не виноватым. Просто… таким.

Она шагнула к нему. Близко. Так, что он почувствовал запах её скафандра — резины, холода, её волос.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Это не изменится. Даже сейчас.

Он хотел сказать то же самое. Хотел. Но горло сжалось, и из него вырвался только хрип.

Она улыбнулась. И поцеловала его — крепко, страстно, так, что у него перехватило дыхание. Её губы были холодными от шлема, но язык — горячим. Она целовала его, как будто прощалась навсегда. И он целовал её так же.

Потом она отстранилась. Вытерла глаза — быстро, зло, как будто стыдилась.

— Мы ещё увидимся, Макс.

Она надела шлем. Шагнула в шлюз. Обернулась.

— Андроид, — сказала она. — Отсчёт.

— Десять, — сказал андроид.

Она смотрела на Макса через забрало. Её глаза были красными.

— Девять.

Макс отступил. Дверь шлюза начала закрываться.

— Восемь.

Она подняла руку. Прижала ладонь к стеклу.

— Семь.

Он прижал свою. С другой стороны.

— Шесть.

Дверь закрылась.

— Пять.

Он смотрел, как она идёт к кораблю. Как её фигура уменьшается. Как она поднимается по трапу.

— Четыре.

Она обернулась в последний раз. Помахала.

— Три.

Она скрылась внутри.

— Два.

Ракета загудела. Пол задрожал.

— Один.

Шахта вспыхнула. Ракета рванула вверх — медленно, потом быстрее, — и небо за окнами разорвалось белым. Метель, лёд, ночь — всё исчезло в этом свете.

Макс стоял у окна. Смотрел, как ракета уходит в небо. Как она становится точкой. Как точка исчезает.

И тогда он заплакал.

Первый раз за два года. Тихо, беззвучно, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Слёзы текли по лицу, и он не вытирал их.

— Прости, — сказал он. — Прости. Прости. Прости.

За спиной уже выбивали дверь. Солдаты NULL. Шаги, крики, лязг.

Он не обернулся.

Дверь вылетела с третьего удара.

Солдаты NULL ворвались в комнату — четверо, в тяжёлой броне, с «иглами» наперевес. Они рассредоточились мгновенно, без слов, и их сенсоры сканировали каждый угол. Макс стоял у окна. Не двигался. Слёзы ещё не высохли на лице, но он уже не плакал.

Я должен был чувствовать что-то. Облегчение. Страх. Что угодно. Но внутри — пусто. Как будто выключили.

— Чисто, — сказал один из солдат. — Только он.

Крис вошёл последним. Без шлема, в пальто поверх брони, с пистолетом в руке — опущенным, но не убранным. Он остановился в двух шагах от Макса. Посмотрел на его лицо. На мокрые дорожки от слёз. На сжатые кулаки.

— Ты всё-таки заплакал, — сказал он.

Макс поднял голову. Посмотрел на него. На солдат за его спиной.

Вика. Она лежала где-то там. Её броня трещала, я даже не уверен что она жива после такой очереди из выстрелов. Я даже не подошёл.

— Она улетела, — сказал он. Голос был хриплым.

— Знаю. — Крис убрал пистолет в кобуру. — Мы видели.

— Ты не остановил её.

— А должен был?

Макс молчал.

Должен был. Ты должен был остановить её. Или я должен был полететь. Или не предавать. Или не начинать. Столько «должен», что уже не разобрать, где чья вина.

— Она не цель, — сказал Крис. — Цель — он. — Он кивнул в сторону коридора. — Константин Талинных. Остальное — не моя проблема.

Он повернулся к солдатам.

— Зачистить этаж. Всех, кто жив, — на крейсер. Раненых — в медблок. Быстро.

Солдаты исчезли. Крис вышел следом, не оборачиваясь.

Бой закончился через двадцать минут.

Макс слышал его отголоски — короткие перестрелки, крики, лязг. Потом всё стихло. Только гул генераторов и вой метели за стенами.

Двадцать минут. Вот и всё. Год и девять месяцев — и ещё двадцать минут, чтобы всё закончилось.

Он вышел на улицу.

Холод ударил в лицо, как стена. Тот самый холод — минус сорок, ветер, белая мгла. Но сейчас метель стихла, и небо было чистым. Чёрным, бездонным, с острыми звёздами. Полярная ночь.

Она на днях говорила, что звёзды здесь злые. Вбиты в небо гвоздями. Я тогда смеялся. Теперь понимаю.

Макс сунул руку во внутренний карман куртки. Достал пачку. Бело-красную, помятую, с потёртыми углами. Настоящие сигареты. Такие же, как те, что они курили с Настей на балу. Он носил их с собой. Для особого случая.

Вот он. Особый случай.

Он достал одну. Зажигалку пришлось держать двумя руками — пальцы не слушались. Прикурил. Затянулся.

Дым был горьким и сладким одновременно. Тот самый вкус. Ментол и табак. Как тогда, у забора, когда она сказала: «Единственный способ получать чистое удовольствие от сигарет — это курить их только когда хорошо. Когда плохо — не надо».

Мне сейчас не хорошо. И не плохо. Мне никак. Как будто внутри выгорело всё — и хорошее, и плохое. Осталась только пустота и этот дым.

Он курил и смотрел на звёзды. Где-то там, в черноте, была его ракета. Маленькая точка, которая уже, наверное, исчезла. Или ещё летит. Он не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.